

Юлия Бишофф

ОСКОЛКИ ПЛАМЕНИ: РОЖДЕНИЕ БУРИ

18+

Юлия Бишофф

Осколки пламени: Рождение бури

«Автор»

2025

Бишофф Ю.

Осколки пламени: Рождение бури / Ю. Бишофф — «Автор»,
2025

Королевская тайная стража идёт по следу, а за спиной шепчется тьма. У неё нет имени, нет сил и нет надежды. Её спасение угрюмый травник, променявший людское общество на лесную чащу. Его дом стал её крепостью, а его молчание лекарством. Но древнее зло, поднявшее голову в лесах, не дает времени на покой. Деревня, подстрекаемая ревнивой дочерью старосты, ищет виновного в своих бедах. Идеальная жертва уже найдена. Оставив всё, что он строил годами, отшельник становится её единственным союзником в безумной гонке к эльфийским границам. Там, среди древних тайн, она должна собрать воедино осколки своего прошлого. Ведь правда пугает: она ключ к спасению этого прогнившего мира... или его последний приговор.

© Бишофф Ю., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Осколки пламени: Рождение бури

Пролог

Великая война, разразившаяся тысячи лет назад, оставила неизгладимый след на всех народах. Эльфы, люди, гномы и другие существа, некогда объединённые хрупким союзом, сражались бок о бок против тенебрисов — порождений древней тьмы. Эти создания вылезали из глубин самой земли, неся ужас и разрушение повсюду, куда ступали их войска.

В ту пору эльфийские королевства были сильнейшими в мире. Их маги воздвигли защитный барьер, удерживающий тенебрисов на дальних границах, пока союзные армии собирали силы для решающего удара. Люди, несмотря на свою физическую хрупкость, отличались мужеством и решимостью, порой не уступавшими мощи магии. Гномы, мастера боевых машин и кузнечного дела, создали осадные орудия, способные сокрушить даже саму тьму. Общими усилиями они смогли победить это великое зло.

Но победа имела высокую цену. Тысячи погибли на полях сражений, а союз народов был скреплён кровью. В память о той жертве три великие расы и другие создания заключили священный договор: никто больше не должен использовать древние силы тьмы ради собственной выгоды. Мутации и тёмная магия были строго запрещены. Любое нарушение этого соглашения грозило новой войной.

Прошли века. Древний договор постепенно превратился лишь в символ прошлого. Мир успел привыкнуть к относительному покою, но тени Великой войны так и не исчезли. Эльфийские земли, богатые магическими ресурсами и плодородными почвами, всё так же вызывали зависть. Правители людей, не обладавшие столь мощными природными дарами, начали распространять слухи о тирании эльфов, стараясь очернить их в глазах других народов. Политики и заговорщики разжигали ненависть, уверяя, что эльфы якобы собирают силы для порабощения мира.

В тени дворцов и торговых залов тайные общества плели заговоры. Они заключали сделки с орками, тёмными духами и даже магами-отступниками, нарушившими древний договор. Союзы, основанные на лжи и алчности, множились. Но не все расы последовали за заговорщиками: гоблины, искусные торговцы, отказались участвовать в войне ради наживы, а древоламы — духи лесов, жившие в гармонии с природой, — объявили о своей верности миру.

Несмотря на это, искры вражды уже раздули пламя ненависти. В эльфийских землях вспыхивали бунты. Некоторые молодые эльфы, поддавшись пропаганде, восстали против королевской власти. Несогласные с политикой короля бежали из страны, но нигде не находили пристанища. Их преследовали как предателей, и ложь о жестокости эльфов разрасталась по всем землям, превращаясь в оружие в руках тех, кому была выгодна новая война.

Глубоко в лесу жил отшельник, известный лишь под именем Тармин. О нём ходили разные слухи: одни утверждали, что он был искусным травником, другие говорили, что он когда-то был воином, участвовавшим в старых битвах, третьи же были уверены, будто он и вовсе беглый преступник. Никто точно не знал, когда он поселился в глуши леса, но местные его опасались и старались не злить. К нему приходили лишь те, у кого не было денег на местного лекаря или, когда тот отказывался лечить, по его мнению, безнадежные болезни. Высокий, с длинными серебристыми волосами и болотно-зелёными глазами, Тармин казался частью самого леса. Его чёрная кошка с глазами, как две звезды, неизменно следовала за ним, словно тень или немой страж.

В тот день ветер, несущий весть о надвигающемся мраке, достиг его дома. Кошка завывала в ночи, предупреждая о беде. Тармин, стоя на пороге, взгляделся в туманную даль, и тени будущего застыли в его глазах.

"Скоро," — тихо прошептал он, и тьма откликнулась ему тяжёлой тишиной.

Над всем миром уже сгущались тучи, и первый удар был лишь вопросом времени. Именно отсюда начнётся история тех, кто решит исход грядущей войны, тех, чьи судьбы ещё только предстоит сплести в клубок предательства, любви и надежды.

Глава 1

Началось всё в сумерках раннего утра. Небо затянули тяжёлые серые тучи после ночного дождя, воздух был влажным, пропитанным запахом мокрой земли. Жители деревни медленно выходили из домов, но все казались безразличными ко всему, что происходило вокруг. Все взгляды вдруг обратились к фигуре, появившейся на горизонте.

Это была девушка, она почти без сил, въехала в небольшую деревню верхом на чёрном коне. Её лицо, испачканное дорожной пылью и потом, было прекрасным и в то же время ужасно печальным. Рыжие волнистые волосы, прилипшие к коже, придавали её облику ещё большую хрупкость. Глаза, большие и наполненные болью, казались двумя светлячками, затерянными в ночи. Она остановила коня на центральной площади и слабым голосом попросила помощи, но жители ответили ей только злобными взглядами и холодным отказом.

Деревня выглядела серой и угрюмой, как и её жители, словно сама природа отвернулась от этого места. Кривые дома с покосившимися крышами и окнами, забитыми грязными тряпками, смотрели на неё пустыми глазницами. Лица людей казались словно вырезанными из камня — ни капли сочувствия, только враждебное любопытство. Ей показалось, что воздух был каким-то тяжёлым, будто насыщенным страхом и горечью.

С последним проблеском надежды девушка направилась к дому местного лекаря. Его маленький дом с обшарпанной дверью и грязными ступенями выходил на площадь и был точным отражением его души, такой же алчной и жестокой. Лекарь выглянул из-за занавески, прищурился и, оценив её состояние, отказался помочь, понимая, что платить она не сможет. Девушка покачнулась и рухнула на грязную землю. Рядом с ней глухо упала вязанка.

Толпа собралась вокруг, но никто не решался помочь. Старая женщина с морщинами, как пересохшие реки, и жёстким взглядом, выступила вперёд:

— Бросьте её, — сухо сказала она. — У нас своих забот хватает.

Люди начали расходиться, но несколько мужчин подошли ближе, они и не думали ей помогать, ими двигала не жалость, а жажда наживы. Один из них наклонился к упавшей вязанке, явно намереваясь забрать её себе.

— Вам не стыдно? — прогремел голос, похожий на далёкий раскат грома. — Убирайтесь!

Никто не заметил, что в тени таверны за происходящим наблюдал другой человек — отшельник и знахарь, по имени Тармин, которого многие побаивались из-за его необычного вида и жизни вдали от деревни. Это был мужчина лет тридцати с длинными серебристыми волосами, высокий, с широкими плечами и болотно-зелёными глазами, в которых горел дикий огонь. Его внешность вызывала восхищение у девушек и страх у мужчин. В нём была какая-то первобытная сила, словно он пришёл из самой природы — непокорённый и свободный.

Он уверенно подошёл к ним, и его строгий взгляд заставил мужчин невольно попятиться.

Люди расходились, бормоча что-то невнятное, когда он, подойдя к девушке, присел на корточки и осторожно повернул её на спину. Лицо было исхудавшим и покрытым мелкими царапинами, а на спине виднелись следы побоев и шрамов.

— Кто тебя так? — тихо пробормотал он.

Без лишних слов поднял девушку с земли, её тело было лёгким, как пёрышко, и двинулся в сторону леса, не оборачиваясь. Люди лишь провожали его взглядами, но никто не смел сказать ни слова.

Чёрный конь тихо заржал, словно поддерживая хозяйку, опустил голову и аккуратно подхватил с земли вязанку зубами, будто понимая, что девушка больше не в состоянии позаботиться о себе, и направился следом за ними. Он шёл гордо, его гладкая шерсть блестела под бледным солнцем, а глаза сверкали недобрым светом.

Дом Тармина стоял на опушке густого леса, расположенной глубоко в лесу, вдали от чужих глаз. Это был скромный деревянный дом, окружённый травами и цветами. Его любимца, чёрная и изящная кошка по имени Луна, как сама ночь, встретила их у порога. Её большие глаза внимательно следили за каждым его шагом. Затем с любопытством посмотрела на девушку и в то же время с тревожным выражением, словно всё понимая. Луна была грациозной и довольно загадочной, её янтарные глаза светились в полумраке дома. В роду кошки были шорохи — теневые кошки с королевскими глазами, обитающие в пещерах. Они умели управлять сновидениями и предсказывать беду. Её присутствие всегда вызывало у местных жителей одновременно страх и уважение.

Конь, шедший всю дорогу за Тармином, остановился у крыльца и остался стоять, покачивая головой. Вязанку, что он нёс в зубах всю дорогу, аккуратно уронил на ступени. Пока Тармин заносил его хозяйку в дом, конь спокойно ждал, не сходя с места.

Внутри дома царила магическая атмосфера, которую нельзя было встретить в обычных жилищах деревни. Большой камин с древними узорами, высеченными на камне, занимал центральное место в основной комнате. Его огонь пылал ровным золотистым светом, отбрасывая причудливые тени на стены. Перед камином стояло массивное кресло, обитое потёртыми шкурами, которое казалось тронem из другой эпохи.

На одной из стен высился огромный шкаф из тёмного дерева, усыпанный книгами с истёртыми переплётami и затейливыми знаками на обложках. Эти книги, полные древних знаний и магических формул, были свидетельством того, что Тармин знал намного больше, чем хотел показывать. Для местных жителей, едва умевших читать, такое количество книг казалось немыслимым сокровищем.

Кухня представляла собой небольшой уголок, где каждое пространство было занято сушёными травами, связанными в пучки и подвешенными к потолку. Стекланые склянki с мазями и настойками мерцали в слабом свете, словно охраняли свои тайны. Ароматы чабреца, лаванды и чего-то более загадочного витали в воздухе, создавая успокаивающую, но в то же время настораживающую атмосферу.

Отшельник положил девушку на деревянный стол и осторожно стал осматривать её тело. На спине обнаружилось свежее загноившееся клеймо. Его лицо помрачнело: кто мог так поступить? Это было варварством. Вся её спина была покрыта шрамами от кнута или палки, некоторые шрамы были совсем свежими. Вся её хрупкость и молодость только подчёркивали чудовищность того, что с ней сделали.

Он аккуратно снял грязную одежду и омыл её кожу, и обнаружил странную отметину на руке, почему-то она показалась ему знакомой, затем обработал раны и надел на неё свою льняную рубашку. Ткань была мягкой и тёплой, но даже она не могла скрыть следы боли и страданий. Кошка Луна всё это время сидела у головы девушки, не отводя глаз от её лица. В её взгляде читалась тревога и что-то почти человеческое.

Как только Тармин закончил с девушкой, он вышел на улицу, нужно было заняться её конём. Тот всё так же стоял у крыльца, будто и не двигался с места.

— Ты очень верный парень, — тихо сказал Тармин, подходя ближе.

Конь заржал в ответ, словно соглашаясь, но, когда Тармин взял его за уздцы, тот недовольно переступал с ноги на ногу, выражая протест.

— Тише, тише, дружок... — Тармин встал с ним на одном уровне и начал ласково гладить его по шее. — Я тебя с ней не разлучаю. Ей нужно немного отдохнуть. А ты пока поешь и наберёшься сил, — он говорил спокойным и уверенным голосом, как умеют только те, кто по-настоящему знает животных.

Когда конь постепенно перестал нервничать и топтаться, Тармин взял его крепче под уздцы и повёл к хлеву, что стоял поодаль от дома, за небольшим палисадом. Хотя конь и

послушно шёл за ним, он время от времени тревожно поворачивал голову в сторону крыльца и входа в дом, понимая, что где-то там осталась его хозяйка.

Хлев был крепкий, старый, но в то же время ухоженный – деревянный, с крепкой крышей, стены из толстого брёвна и низкий потолок, чтобы зимой сохранялось тепло, а также широкая дверь, в которую спокойно проходила лошадь. Внутри пахло сеном, лошадью, хотя он был пуст и немного прелой землёй – этот запах, знакомый коню с детства, всегда успокаивал. Вдоль одной стены было стойло, застеленное свежей соломой, в углу стояло деревянное корыто с водой, а рядом – ясли, в которые Тармин аккуратно насыпал горсть овса из мешка в углу. Несмотря на скромность, в этом месте чувствовался порядок и забота.

— На вот, дружок. Ты это заслужил, — тихо проговорил он, поглаживая животное по холке.

Конь с благодарным фырканьем потянулся к овсу, и Тармин, пока тот ел, сноровисто снял с него снаряжение: седло, подпругу, уздечку и попону. Всё это он отнёс в угол, аккуратно развесил на гвоздях, чтобы просохло. Затем вернулся, подхватил вилами охапку свежей, сухой соломы и ровным слоем расстелил её на полу стойла. Шорох соломы и тепло внутри сделали место почти уютным.

— Вот тебе постель, отдыхай. Вечером приведу тебе соседа — он сейчас в загоне. Спокойный, не обидит, — проговорил он, почти как человеку, и конь, будто понимая, мягко тронул его плечо носом.

Тармин ещё раз проверил корм, воду, пригладил солому и, убедившись, что всё в порядке, закрыл дверь хлева, оставив маленькое окно открытым для воздуха. Конь начал неспешно жевать овёс, но всё ещё иногда бросал тревожный взгляд в сторону дома.

Ночью лекарь проснулся от дикого крика. Девушка металась на столе, крича, чтобы её не трогали, словно отбиваясь от невидимого врага. Её лицо было искажено болью и отчаянием. На её лбу выступили капли пота, а дыхание было прерывистым. Тармин подошёл, потрогал её лоб и понял, что жар поднялся ещё выше. Инфекция распространялась. Кошка Луна, словно почувствовав надвигающуюся беду, взобралась на стол и улеглась у её головы, следя за каждой её судорогой. Её глаза горели янтарным светом, как у её предков — шорохов. Она словно вытягивала дурные сны из девушки, уводя их в глубины ночи.

— Луна, присмотри за ней, — коротко сказал Тармин и выскочил на улицу в одних штанах, к колодцу, чтобы принести ледяной воды. Воздух ночи был холодным и колючим, звёзды, казалось, наблюдали за его действиями.

Вернувшись с двумя вёдрами, он начал протирать её кожу холодной водой, добавив в неё немного какой-то жидкости из пузырька. Это помогло сбить жар. Она постепенно успокоилась, её кожа, освещённая огнём камина, казалась белой как снег. Её дыхание стало ровным, но лицо оставалось мрачным, словно в её снах продолжали разворачиваться страшные события.

Луна, спустившись со стола, подошла к Тармину и легонько коснулась его руки своей головой. Её янтарные глаза встретились с его зелёно-болотными, и в этом взгляде было что-то большее, чем просто кошачья привязанность. Тармин знал: если Луна беспокоится, значит, впереди беда.

— Ты что-то знаешь, да? — спросил он, внимательно всматриваясь в неё.

Луна повернула голову к двери, а затем резко фыркнула, словно что-то увидела в темноте. Её шерсть поднялась вдоль хребта, затем запрыгнув обратно на стол, улеглась у головы девушки и её глаза засветились, как у её предков.

— Понял тебя. — Тармин задумчиво скрестил руки на груди. — Что бы ни произошло, я не позволю этому случиться.

Луна закрыла глаза, но её уши оставались настороженно прижатыми к голове. Тишина комнаты стала ещё напряжённое, словно сама ночь предчувствовала грядущую бурю. Ночь

была тихой, лишь потрескивание огня в камине нарушало покой. Тармин взглянул на девушку, лежащую на столе. Её лицо, осунувшееся от пережитых страданий, вдруг дернулось во сне. Она что-то прошептала, но слова были едва различимы. Он наклонился ближе.

— Ты не получишь то, что хочешь... — сдавленный голос вырвался из её губ.

Её лицо превратилось в новую волну боли. В её сне происходило что-то ужасное. Он пытался понять смысл сказанного, но девушка внезапно забылась. Однако эти слова застряли в голове Тармина, напоминая о чем-то тёмном из его собственного прошлого. Он задумчиво смотрел на огонь в камине. Образ девушки пробуждал в нём воспоминания. Он видел огонь, сожжённые дома и плач женщин. Вспоминая то, что оставил за своей спиной. Война. Ещё в юности он вернулся с войны, но его дом сгорел дотла, а от его жены не осталось и следа. Никто не знал, что с ней случилось, сгорела она внутри или же пропала без следа, но он сделал для неё пустую могилу и навсегда покинул те места. Трагедия оставила след на его душе и превратила его волосы в седые, словно пепел тех руин.

Теперь его единственной семьёй были его кошка Луна и лес, который укрывал его от боли прошлого. Но прошлое не уходило. И девушка, лежавшая сейчас в его доме, была ещё одним напоминанием, что беда снова подбирается ближе.

Он снова видел чужую боль и знал, что не сможет отвернуться.

Глава 2

Сумерки окутали деревню плотной пеленой тумана, когда Маришка, дочь старосты, вернулась после нескольких недель отсутствия. Её появление всегда становилось событием, так как каждый стремился увидеть её первым, будто её присутствие возвращало привычный порядок вещей.

Она славилась красотой, и знала это слишком хорошо, и непреклонным характером: высокая, с роскошными черными волосами, заплетёнными в тугую косу, и карими глазами, в которых всегда тлело самодовольное сияние, привлекавшее внимание многих, она двигалась с грацией хозяйки, уверенной в себе на каждом шагу. Но её сердце принадлежало лекарю, который оставался равнодушным к её чувствам. Её платье из ярко-красной ткани подчеркивало тонкую талию и хрупкие плечи, и женщины, стоя в дверных проёмах, невольно поправляли пряди волос, будто хотели хоть чуть-чуть походить на неё. Её уважали. Её слушались. Её принимали такой, какая она есть — избалованной, капризной, но при этом недосыгаемой, будто она была местной благородной дамой, а не просто дочерью старосты.

Она умела удерживать внимание, умела улыбаться так, что люди искренне верили в её доброжелательность, хотя за улыбкой скрывались расчёт и холодный блеск.

Староста Мирон, её отец, стоял у крыльца их дома. Высокий, с грубыми чертами лица и взглядом, источающим холодное высокомерие, он обожал свою единственную дочь. Любое её желание для него было законом, и он гордился тем, что деревня видит в Маришке отражение его статуса и власти.

— Дочка, наконец-то! — Мирон широко раскрыл руки, чтобы обнять её.

Маришка позволила себя обнять, но мысли её уже были заняты другим. Она уже слышала о загадочной девушке, которую Тармин принёс к себе в дом. И где-то под идеально гладкой поверхностью её уверенности вспыхнула ревность — не сокрытая, не мучительная, а мгновенная и обжигающая, как у того, кто привык владеть всем, что ему нравится.

— Отец, кто эта девушка? — её голос был тихим, но холодным, как сталь, скрытая под шёлком. — Я слышала, что она появилась внезапно, и никто не знает, откуда она. — бросила на заходя в дом.

Мирон нахмурился:

— Никто толком не знает. Говорят, она была странная. Люди уже шепчутся. Может быть, она изгнанница... или что похуже.

Глаза Маришки сузились.

— Этого нельзя оставить так. Она может быть опасной. Дай мне время разобраться.

Мирон гордо кивнул:

— Делай, что нужно, дочка. Мы не позволим чужакам нарушить наш покой.

Солнце медленно поднималось над деревней, когда Маришка, движимая скорее ревностью, чем любопытством, направилась к дому Тармина. Подняв руку, чтобы постучать, Маришка замерла, когда дверь внезапно распахнулась.

На пороге стоял лекарь в кожаных штанах, с обнажённой мускулистой грудью, где серебристые волосы блестели в утреннем свете. Его взгляд был холодным и непроницаемым, словно он уже знал, зачем она пришла.

— Говорят, ты забрал ту девчонку, — с притворной заботой произнесла Маришка, заглядывая ему за плечо. Взгляд её первым делом устремился к его постели, как будто она боялась увидеть там что-то, что разрушило бы последние остатки надежды, но затем она заметила девушку на столе и внутренне почувствовала облегчение, хотя не подала виду.

— Она опасна, Тармин, — голос её стал напряжённым, почти дрожащим. — Ты даже не знаешь, кто она и что за беду тащит за собой! Может, она преступница или проклятая ведьма?

— Она просто человек, нуждавшийся в помощи.

— Ты редко помогаешь кому-либо. — язвительно бросила она. — Почему именно ей?

— Это не твоё дело, — холодно отрезал он. — Возвращайся в деревню.

Маришка поняла, что незнакомка, несмотря на своё состояние, уже стала для неё угрозой. Девушка ещё раз окинула взглядом лежащую незнакомку, злобно фыркнула и ушла.

Ночь в доме Тармина была беспокойной. Тьма за окном казалась густой и плотной, словно чёрный бархат, поглощавший даже свет звёзд. Ветер с воем проникал сквозь щели, бросая тени на стены и заставляя ставни едва заметно дрожать. Где-то вдалеке кричала одинокая сова, её крик эхом отразился в пустоте ночи, подчеркивая угнетающую тишину. Каждый звук, будь то скрип половиц или потрескивание углей в очаге, казался невыносимо громким. Эта ночь будто сама по себе предупреждала о надвигающихся бедах, отзываясь тревогой в душе каждого, кто находился в доме. Третий раз за последние три дня её крики разрывали тишину. Тармин проснулся, тяжело дыша. Луна, его кошка, подбежала к ней и свернувшись клубком рядом с девушкой, беспокойно прикрыла глаза, словно чувствовала её тревожные сны.

Тармин подошёл ко столу и осторожно дотронулся до её плеча, чтобы успокоить. Её глаза внезапно распахнулись, полные страха и ярости.

— Не трогай меня! — прошипела она, отпрыгивая к стене. Её взгляд метался по комнате, пока она судорожно пыталась понять, где находится.

— Успокойся, — Тармин поднял руки, показывая, что не хочет причинять вреда. — Ты в безопасности. Меня зовут Тармин, я лекарь. Ты потеряла сознание на площади, я принёс тебя сюда и обработал твои раны.

Девушка опустила взгляд на свою одежду — на ней была лишь рубаха. Прохладная ткань ласкала уязвимую кожу. Взгляд её замер на отблесках света от потрескивающих углей в очаге, отбрасывающих зловещие тени по комнате. Мысли металась в поисках выхода, недоверие и стыд завладели её разумом, разгораясь с каждой секундой. Гнев молниеносно вспыхнул в её глазах.

— Это ты?! Ты меня переодел?! — голос её сорвался на гневный шёпот.

Тармин кивнул спокойно:

— Твои вещи были мокрыми и грязными. Я сделал это, чтобы тебе было тепло.

Она рванулась вперёд, намереваясь ударить его, но слабость взяла верх. Её ноги подкосились, и она начала падать. Он подхватил её за запястье, удержав и девушка оказалась в его объятиях, её макушка едва касалась его подбородка. Щёки запылали от бессильной ярости.

— Осторожнее, — мягко сказал он, но девушка лишь сжала зубы, злясь на собственную беспомощность и отстраняясь от него.

Луна тихо подошла к ним, её шаги звучали почти неслышно, словно она сама была частью тени. Её глаза ярко засверкали в полумраке, и она прижалась к ногам девушки, издав низкое урчание, которое напоминало далёкий раскат грома. В этот момент девушка почувствовала, как напряжение слегка отступило, словно кошка поглотила часть её тревог и злости. Это простое действие заставило её слегка расслабиться. Напряжение в комнате стало спадать.

— Где я? — наконец спросила она, тяжело дыша.

— В моём доме, — ответил Тармин. — Ты проспала три дня, видимо в раны на твоей спине попала инфекция и тебя лихорадило, я их обработал, но скорее всего ты будешь чувствовать слабость несколько дней.

Она бросила на него долгий взгляд, но его спокойствие и искренность, казалось, начали её успокаивать.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Лариэль заколебалась, и не решилась назвать своё настоящее имя, тихо ответила:

— Айна.

— Хорошо Айна, как ты себя чувствуешь сейчас? — Тармин аккуратно усадил её на кушетку около камина.

— Я очень хочу пить. — Её плечи слегка расслабились.

Тармин протянул ей ковш с водой, и девушка жадно начала пить.

— Старайся больше пить. Я сейчас принесу тебе свежей воды умыться. Первое время, может быть, сильная слабость и рана может пульсировать. Если будет сильно болеть, обязательно мне скажи, — продолжил он, убирая ковш на стол. — Может загноиться.

Лариэль только кивнула.

— Ты видела кошмары, — сказал Тармин. — Тебе что-то угрожает?

Лариэль отвела взгляд. Он видел, что она закрывается, и решил не давить на неё.

— Я постирал твои вещи, но нужно будет тебе купить что-то новое, пока не заживут твои раны. Я оставлю тебя, можешь одеть что-то из этих вещей, — сказал он, показывая на чистую и аккуратно сложенную одежду на столе, и направился к выходу.

Лариэль посмотрела ему вслед. Впервые за долгое время она почувствовала себя хоть немного в безопасности. Она прислушалась к удаляющимся шагам — сначала твёрдые, уверенные, потом всё тише, пока они не растворились за пределами дома. Осторожно взяла лежавшие на столе вещи — старые, но ухоженные женские платья. Долго выбирать не пришлось: скромное серое, с длинными рукавами, казалось самым подходящим. Она сняла потемневшую от пота рубашку, что носила последние дни, и накинула платье через голову. Ткань мягко легла по телу, но, скользнув по спине, задела заживающее клеймо. Лариэль едва не вздрогнула — ожог отозвался ноющей болью, будто напоминая о себе и о тех, кто его оставил. Ощувив слабость, она села обратно на кушетку и её мысли начали блуждать. Она вспомнила, как часто меняла укрытия, избегая незнакомцев и скрываясь в тенях. «Я не должна оставаться здесь слишком долго. Он найдет меня. Только в эльфийских землях я буду в безопасности», — пронеслось в её голове. Это беспокойство сделало её взгляд ещё более настороженным. Луна прыгнула на кушетку и улеглась у неё на коленях. Лариэль провела рукой по её шерсти, что-то тихо прошептала.

Когда Тармин вернулся, девушка уже была переодета и стояла у книжного шкафа, рассматривая его содержимое. Её пальцы медленно скользили по корешкам книг, как будто она искала что-то знакомое.

— Ты читаешь? — спросила она.

— Иногда. Это помогает забыть. — Его голос звучал немного печально.

Тармин замолчал на мгновение.

— Я принёс ведро свежей воды из колодца, — сказал он, ставя его рядом. — Ты можешь умыться.

Лариэль молча кивнула, её взгляд задержался на нём на мгновение дольше, чем обычно.

Повисла лёгкая, немного неловкая пауза. Он отвёл взгляд, словно давая ей пространство, и, повернувшись к полке с травами и настоями и без колебаний взял нужные.

Пока Лариэль плескала на лицо холодную воду, он ловко заваривал для неё травяной отвар. По комнате медленно пополз аромат полевых цветов, мяты и чего-то солнечного — как будто внутрь просочилось само тёплое лето. Закончив, он поставил на стол глиняную кружку с отваром, затем мягким жестом пригласил её сесть. — Это поможет тебе восстановить силы, — сказал он, не глядя прямо, но с заботой в голосе. — Завтра я приготовлю бульон. Пока не стоит нагружать желудок тяжёлой пищей.

Девушка осторожно присела за стол и медленно поднесла кружку к губам. Горячий отвар приятно согревал изнутри, расслабляя напряжённые мышцы. Тармин наблюдал за ней молча,

не вмешиваясь — он чувствовал, что сейчас важнее всего дать ей пространство и не торопить. Пока Лариэль пила, он достал из сундука старое, но мягкое шерстяное одеяло и постелил его на кушетке у камина, разравнивая складки аккуратными, почти заботливыми движениями.

Она краем глаза следила за ним — не из страха, скорее из привычки быть настороже. Доверие не приходило сразу, особенно после всего, что ей пришлось пережить. Но в его молчаливой заботе было что-то тёплое, не требующее ответа. И впервые за долгое время ей стало чуть-чуть легче дышать.

— Я думаю, здесь тебе будет удобнее спать и у камина теплее.

Лариэль на мгновение опустила глаза, словно взвешивая свои силы, затем тихо кивнула, но не спешила подниматься. Вместо этого она медленно допивала тёплый отвар, чувствуя, как его тепло постепенно разливается по телу и медленно унимает накопившееся напряжение. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров в камине, и этот спокойный звук словно помогал ей обрести немного душевного равновесия. Осторожно опустив кружку на стол и, едва подняв взгляд, она встретила с ним глаза. В её взгляде на миг пробежала слабая искра благодарности — скромная и сдержанная, но искренняя, словно тихий проблеск надежды в душе, которой так долго не было места. — Спасибо, — выдохнула она тихо, голос её дрожал от усталости и неопределённости, как будто эти простые слова стоили больше, чем могла показать внешне.

Затем подошла к кушетке, осторожно опустившись на край, укуталась в одеяло, но лёжа в полутьме, она долго не могла уснуть. Тени от пламени камина плясали по стенам, напоминая обрывки кошмаров, от которых она не могла скрыться ночью. Она настороженно оглядывала комнату, будто ожидая опасности. Тармин сидел в кресле неподалёку, стараясь не создавать лишнего шума, но его молчаливое присутствие только усиливало её внутренний разлад.

Луна мягко, почти бесшумно, запрыгнула на её грудь и устроилась клубком, как будто это было её привычное место. От её тела исходило едва уловимое, но глубокое урчание — ровное, тёплое, убаюкивающее. Эта живая тяжесть, и её тепло, словно размывали границы между тревогой и покоем. Сначала Лариэль напряглась ещё сильнее, но мурлыканье кошки проникало в самую глубину, будто стирало остатки боли. Её веки стали тяжёлыми, дыхание замедлилось. И впервые за долгое время она провалилась в сон, свободный от кошмаров.

Тармин молча наблюдал за тем, как дыхание Лариэль постепенно становилось ровным. Лишь когда убедился, что она спит, он медленно откинулся в кресле и закрыл глаза. Веки налились тяжестью, будто засыпанные пеплом усталости, но разум продолжал блуждать. Всё случившееся за последние дни, казалось, оживляло картины прошлого.

Перед его мысленным взором вспыхнул дом, охваченный огнём. Деревянные балки с глухим треском падали на пол. Ярость пламени пожирала всё, а дым заслонял небо. Тармин был словно парализован — крики его жены эхом разносились в его ушах, пока пламя поглощало их общий мир. Он не мог найти её в хаосе той ночи. Его крики терялись в шуме разрушений.

Глаза Тармина открылись. Он снова оказался у камина, но чувство утраты и вины всё ещё жгло его сердце. Он посмотрел на Луну, свернувшуюся у девушки. Кошка приоткрыла глаза и взглянула на него. Её взгляд был мягким, почти понимающим. Он снова видел свой самый страшный кошмар — пламя пожирало стены его дома, небо было затянуто густым дымом, а крики звучали как нескончаемая симфония боли. Сжимая кулаки до побелевших костяшек, он боролся с нахлынувшим чувством вины.

Каждый треск поленьев в очаге напоминал ему о разрушенных обещаниях и потерянном прошлом. Луна, его верная кошка, тихо подошла и села у его ног. Она словно впитывала его боль своим молчаливым присутствием и читала его мысли, её пронизательные глаза блестели в полумраке.

— Всё, что мы можем сделать — это двигаться вперёд, да? — прошептал он, обращаясь больше к себе, чем к кошке.

Но Луна, как всегда, молчала, оставляя его наедине с воспоминаниями. Огонь уже едва тлел, но тепло всё ещё струилось от очага. Он укрыл девушку осторожно, чтобы не потревожить, и на мгновение задержал взгляд на её усталом лице. Девушка выглядела напряжённой, словно готовой вскочить по первому звуку. Тармин не удивился — он видел такие лица на войне. Те, кто пережил слишком многое, редко спят спокойно.

Вдруг Луна напряглась и устремила взгляд на дверь. Её шерсть приподнялась, и раздалось низкое, предупреждающее рычание. Холодный ветер скользнул по комнате, будто невидимое предупреждение.

Тармин ощутил, как ледяной узел тревоги сжал его грудь. Что-то, или кто-то, находился снаружи.

Он осторожно поднялся, стараясь не издавать ни звука, и шагнул к двери. Лес за пределами его дома выглядел злоеюще в лунном свете. Ветви деревьев изгибались, словно пытаясь ухватить лунный свет, а порывы ветра качали их, создавая иллюзию движущихся теней. Шелест листьев напоминал шёпот сотен голосов.

Тармин шагнул на крыльцо. Земля была мягкой от недавних дождей, а воздух пах сыростью и хвоей. Где-то вдалеке треснула ветка. Его слух напрягся, улавливая каждое движение. Луна вышла за ним, её шерсть по-прежнему стояла дыбом.

Его взгляд блуждал по кромке леса. Тёмные фигуры деревьев казались гигантами, притаившимися в ожидании. Глаза привыкли к темноте, и он заметил лёгкое мерцание между деревьями. Оно было едва уловимо, словно светлячок, но внутри него росла тревога.

Он прислушался, но кроме ветра ничего не услышал. Однако сердце стучало, словно предупреждало о надвигающейся опасности.

Тармин сделал шаг вперёд, но Луна прижалась к его ногам и замурчала, словно просила не идти дальше. Он остановился, чувствуя, что это может быть не просто ветер.

— Кто бы ты ни был, покажись, — произнёс он, его голос прозвучал твёрдо и уверенно.

Ответа не последовало. Лес оставался безмолвным, но Тармин знал, что за ним наблюдают.

Глава 3

Маришка сидела в своей комнате, освещённой лишь тусклым светом свечи. Мысли о том, что девчонка находится в доме Тармина, не давали ей покоя. Она ходила из угла в угол, сжимая кулаки.

«Почему она там? Почему Тармин, который всегда был таким гордым и отчуждённым, вдруг приютил её? Может быть, она его околдовала? Но даже если это не так... Это я должна быть в центре его внимания, а не эта чужачка!»

Ревность быстро перерастала в ярость. Но Маришка умела направлять эмоции в нужное русло, как всегда, делала, когда что-то угрожало её самолюбию. Она знала, что просто выдворить её из деревни будет недостаточно.

«Если я просто выставлю её, Тармин может пойти за ней. Нет. Мне нужно сделать так, чтобы она стала угрозой для всех. Тогда никто не осмелится ей помочь. И Тармин должен быть жертвой. Он должен понять, что его доброта к ней была ошибкой.»

Она остановилась, обдумывая каждый шаг.

«Сначала слухи. Седрик будет моими глазами. Он болван, но умеет подглядывать и обожает меня, он всё сделает ради моего внимания, даже самого пустякового. Пусть принесёт мне что-нибудь, что можно использовать против неё. Затем я начну собирать людей, говорить о странностях. Главное — убедить их в опасности. А потом... потом будет совет. Отец поддержит меня. Я выставлю её ведьмой, и всё будет кончено.»

Маришка улыбнулась своему отражению в зеркале. Теперь в её взгляде не было ни следа ярости, только холодное удовлетворение.

Поздним вечером в таверне, где собирались мужчины деревни, Маришка нашла своего первого союзника.

Седрик, местный бездельник и сын скорняка, сидел за столом в углу зала, уплетая еду и запивая её элем. Его грязные волосы слиплись в жирные пряди, спадая на покрытое сальными пятнами лицо. Кожа была тусклой и покрыта следами угрей. Седрик всегда носил старую, пропитанную потом рубаху и имел привычку нервно почесывать подбородок, усугубляя шрамы и ранки.

Его лицо осветилось похотливой улыбкой, когда он увидел Маришку.

Несмотря на свою мерзкую внешность, Седрик был влюблён в Маришку. Он обожал её ещё с детства и всегда стремился угодить, надеясь хотя бы на тень её внимания.

— Маришка, что привело тебя сюда? — спросил он, пытаясь выглядеть важным.

— У меня есть дело, Седрик, — Маришка села напротив него, её взгляд был обольстительным. — Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал для меня.

Седрик наострил уши:

— Говори.

— Завтра ночью отправишься к дому Тармина. Следи за девчонкой. Узнай, что она делает и говорит. Если заметишь что-то странное, сообщи мне.

Седрик ухмыльнулся:

— А что я получу?

Маришка наклонилась ближе:

— Если всё сделаешь правильно... я подумаю о награде.

Седрик едва не поперхнулся от волнения и почувствовал, как кровь прилила к его щекам. Польщённый, он тут же согласился.

На следующий день Маришка отправилась на рынок и решительно, но аккуратно принялась обсуждать с несколькими женщинами Тармина и его странную гостью.

Она всегда выбирала, с кем, о чём и в каком тоне говорить.

На рынке она говорила негромко, будто бы делилась тревогой, а не слухом.

— Странно всё это... — вздыхала она, перебирая яблоки. — Я вчера видела, как у Ярина корова слегла. С утра не встаёт. А ведь он её только в этом году купил.

— Может, больная? — осторожно отвечали ей.

Маришка лишь качала головой:

— Может быть. Просто... после её появления в деревне всё как-то не так.

У дома Милавы она остановилась ненадолго, будто просто проходя мимо.

— Ты что такая бледная? — спросила она, глядя на женщину внимательно.

— Малой с ночи жаром горит.

— И у тебя? — тихо уточнила Маришка.

Милава резко подняла на неё взгляд.

— А кто ещё заболел?

— Вчера Рана жаловалась, — спокойно ответила Маришка. — У неё оба кашляют. И у Марены девчонка слегла.

Милава поджала губы.

— Раньше такого не было.

— Раньше много чего не было, — сказала Маришка и ушла, не оборачиваясь.

На поле Милава пересказывала разговор мужу уже иначе.

— Говорят, дети начали болеть один за другим.

— Говорят, — проворчал он. — А ещё говорят, что после чужаков всегда так.

Маришка знала, что Ярин работал на земле и доверял только урожаю. Поэтому через день она подошла к нему у амбара.

— Не обижайся за вопрос, — сказала она. — Ты ведь сеял, как обычно?

— Как всегда.

— А всходы редкие. Я мимо шла и заметила.

Ярин нахмурился.

— Земля одна и та же, и зерно с того урожая.

— Вот и странно, — ответила Маришка. — Земля не меняется сама по себе.

Слова были брошены словно невзначай, но попали точно.

Со стариками Маришка была особенно осторожна. Она не упоминала девушку вовсе, а лишь напоминала старые случаи из прошлого. Она спрашивала, правда ли, что беды в деревне всегда начинались после появления чужаков, и внимательно слушала ответы. Старики сами проводили параллели, и Маришке оставалось только кивнуть, словно соглашаясь с их мудростью.

Женщины начали перешёптываться, а тень тревоги легла на их лица.

— Она точно ведьма! — шептали они. — Она приведет беду в нашу деревню! Она околдовала Тармина!

После её ухода жители деревни начали пересуды. В каждом доме обсуждали, что девушка может принести несчастье. Старики вспоминали знамения, а женщины шептались о бедах, которые всегда следовали за чужаками.

Даже мужчины хмурились, слыша новые слухи.

Этого и добивалась Маришка

К вечеру каждый житель уже был насторожен.

С отцом она говорила языком порядка и репутации. Она подчёркивала, что беспокойство в деревне растёт, что люди начинают шептаться, и что промедление может привести к

открытому конфликту. Она представляла себя не зачинщицей, а предостерегающей стороной, желающей сохранить спокойствие. Отец видел в её словах только заботу о деревне и людях.

Седрик несколько ночей подряд следил за домом Тармина, но так и не обнаружил ничего необычного. Его терпение подходило к концу. Он уже несколько раз являлся к Маришке с пустыми руками, но её раздражение нарастало — ей были нужны доказательства.

Глава 4

Лариэль впервые за долгое время спала спокойно. Мягкая постель, тепло очага, тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей — всё это казалось ей чужим, незнакомым, но удивительно приятным. Она привыкла засыпать на холодном камне, поджимая ноги, готовая к тому, что в любой момент её разбудят болью или криком. Но здесь было иначе. Здесь впервые за много дней она могла позволить себе расслабиться.

Она очнулась от слабого запаха травяного отвара, который наполнял комнату. В воздухе витал едва уловимый аромат сухих трав, словно тихое призрачное напоминание о заботе, от которой она отвыкла.

В углу комнаты что-то тихо шуршало, это кошка Тармина, ловила ночную моль. Этот звук был удивительно домашним.

Тело ныло, но уже не так сильно, как в первые дни. Она попыталась пошевелиться, и тут дверь отворилась — Тармин вошёл с миской горячего бульона.

— Ты не должна вставать так скоро, — сказал он, ставя миску на стол.

— Я не привыкла просто лежать, — призналась Лариэль.

Он усмехнулся.

— Это я уже понял.

Она смотрела на него, изучая. Высокий, с резкими чертами лица, он казался человеком, познавшим боль. И всё же в его глазах не было жестокости — только усталость и сдержанная сила.

Запах дерева, немного гари от углей в камине, аромат трав...

И вдруг перед глазами встала картина: кузница, залитая золотистым светом заходящего солнца; массивные руки отчима, ловко управляющиеся с молотом; звук раскалённого металла, уступающего под ударом — живой, звонкий, родной.

«Запомни, Лариэль, металл живой. Его нужно чувствовать, уважать, а не просто бить по нему.»

Голос отчима был хриловатым, но тёплым, надёжным. Она видела его, словно он стоял прямо перед ней. Она смотрела, как он работал, с благоговением и восхищением.

После смерти матери он стал ей единственной опорой. Она вспоминала, как он укрывал её по ночам старым шерстяным одеялом, как неловко гладил по голове, когда ей было страшно. Он не был её отцом, но он был ей ближе, чем кто-либо другой.

Ей было всего тринадцать лет, когда её жизнь разделилась на «до» и «после», когда её мать умерла от орочей чумы и она осталась сиротой. Её мать была красивой и сильной женщиной, но чума никого не щадит. Лариэль помнила, как мама укладывала её спать, едва удерживаясь на ногах от слабости, как гладила её по волосам и рассказывала сказки о звёздах, под которыми они родились. Но болезнь забрала её. Холодным осенним утром мать не проснулась и мир, в котором она жила, вдруг стал серым и чужим.

Лариэль помнила, как сидела возле её безжизненного тела, не веря, что это правда. Её крохотные руки тряслись, а губы повторяли одно и то же слово:

— Мама...

Но мать не проснулась. Не ответила. Не обняла её.

После этого у неё не осталось никого. Отец пропал на войне, когда королевства людей и эльфов отбивались от орков, и никто не знал, жив он или мёртв. Её мать почти не говорила о нём, она его безумно любила и воспоминания ранили её. Она рассказала лишь, что он был воином, но невероятно заботливым и добрым. Лариэль всегда надеялась, что он когда-нибудь вернётся, но он не вернулся.

Когда маленькая, дрожащая, она осталась одна в переулке, в городе, который не знал жалости. Она помнила холод и голод, и улицы полные чужих взглядов. Помнила, как однажды, из последних сил прижавшись к стене, пыталась укрыться от ледяного ветра, а мимо проходили люди, не замечая её.

Так прошло несколько месяцев, пока её не нашёл Торвальд, местный кузнец. Большой, с тяжёлыми руками, вечно пропахший гарью и металлом. Он нашёл её на улице, едва живую, укутал в свой старый плащ и забрал к себе. Она сначала боялась его — грубый, с хмурым взглядом, он казался ей таким же, как другие. Но он не бил её, не прогонял. Он кормил её, давал тепло очага и крышу над головой. А потом однажды сказал:

— Раз уж судьба свела нас вместе, давай сделаем всё по правилам. Ты будешь моей дочерью. Не заменой, не служгой. Просто дочерью.

Она не верила. Не сразу. Но он сдержал слово.

Он научил её работать. Научил держать молот, различать прочность металла, видеть красоту в железе. Он показал ей, как уважать силу огня и холод стали. Он дал ей дом и смысл жить.

Но у Торвальда был один неожиданный для кузнеца секрет. Несмотря на свою грубую профессию, он любил цветы. Во внутреннем дворе кузницы он выращивал разные полевые цветы, но больше всего любил ромашки и лаванду, и аромат цветов всегда наполнял кухню, смешиваясь с запахом раскалённого металла. Это было странно, но по-своему прекрасно.

А потом всё это у неё отняли.

В груди сжалось, когда воспоминания нахлынули слишком резко. Она отвела взгляд, но Тармин уже заметил перемену в её лице.

— Ты куда-то улетела мыслями, — сказал он тихо.

Ларизель чуть вздрогнула и натянуто улыбнулась.

— Просто устала.

Тармин не стал расспрашивать, но не уходил. Он медленно присел на край стола, скрестив руки на груди.

— Здесь ты в безопасности, — тихо сказал он. — Никто тебя не тронет.

Ларизель подняла на него взгляд. В его словах не было ни капли ложной уверенности или пустых обещаний. Они были твёрды, как железо. Она кивнула, не зная, что ответить.

— Нам нужно выбраться в город, — спустя минуту продолжил Тармин. — Запасы подходят к концу, да и тебе нужна нормальная одежда.

Она слабо усмехнулась.

— Думаешь, меня там примут с распростёртыми объятиями?

— Мне плевать, как они тебя примут, — отрезал Тармин. — Ты со мной, и этого достаточно.

Она опустила глаза. Он говорил так просто, так уверенно... Как давно кто-то за неё так заступался?

— Сядь, поешь. Я приготовил бульон из курицы и травяной отвар, — сказал он спокойно, уже выходя из дома. — Пока ты ешь, я подготовлю лошадей. Пешком до деревни тебе будет тяжело идти.

Она не спорила. Три дня без сознания вымотали тело, и даже если голова ещё плавала в тумане, запах горячего бульона пронзил её, как звон колокольчика в тишине. Первые глотки едва не вызвали слёзы — не от вкуса, а оттого, как сильно её тело жаждало чего-то живого и тёплого. Желудок болезненно сжался, но она заставила себя продолжить, медленно, маленькими глотками. Главное — чтобы бульон не вышел обратно.

Когда он вернулся, она уже поела и даже успела привести себя в порядок — насколько позволяли силы. Волосы были расчесаны, лицо умыто, и в глазах проступал проблеск упрямой решимости.

Он не сказал ни слова, лишь протянул ей свой плащ.

— Утро прохладное. Не хватало, чтобы ты ещё и простудилась.

У крыльца ждали лошади. Её конь, завидев хозяйку, резко фыркнул, вытянул шею и боднул мордой её плечо — осторожно, как бы напоминая о себе. Она погладила его по шее, что-то ласково прошептала и, собравшись с силами, попыталась взобраться в седло.

Но Тармин оказался рядом в тот же миг. Он подхватил её легонько за талию, будто перышко, и усадил в седло, не давая возразить.

— Я и сама могу, — буркнула она, недовольно.

Он только дернул плечом и пошёл к своей лошади.

Город встретил их холодом не только в воздухе, но и во взглядах. Люди отворачивались, кто-то шептался за спинами, а уличные торговцы смотрели с подозрением. Лариэль чувствовала, как взгляды сверлят её, прожигают. Её нутро подсказывало, что всё это не к добру.

Когда они подошли к рынку, напряжение стало почти осязаемым. Привязав лошадей, они купили немного хлеба и круп, а также сушёного мяса, но, когда они выбрали новую одежду для девушки и Тармин достал деньги, продавец сузил глаза и отстранился.

— Я не обслуживаю ведьм.

Тишина на мгновение повисла в воздухе. Лариэль похолодела, но прежде, чем она успела что-то сказать, Тармин шагнул вперёд.

— Повтори, что ты сказал? — его голос был спокоен, но холоден, как лезвие ножа.

Продавец, несмотря на свою смелость, отвёл взгляд. Но, прежде чем ситуация накалилась, вмешалась Маришка, играя роль заботливой спасительницы. Её голос был сладок, словно мёд, но в нём чувствовалась ложь.

— Тармин, оставь, — мягко сказала она, положив руку ему на плечо. — Люди просто боятся..., и ты знаешь почему.

Тармин отступил резко назад, словно не хотел мараться её прикосновением. Маришка не подала виду, но её глаза вспыхнули яростью.

— Мы уходим, — Тармин, взяв вещи для девушки, бросил деньги продавцу на прилавок, схватил Лариэль за руку, и они ушли, забрав лошадей.

На обратном пути, в лесу, между ними возник разговор. Лариэль не ожидала, что он так рьяно будет её защищать, хотя знал её всего несколько дней.

— Ты ведь не обязан был за меня заступаться, — тихо произнесла она.

— Не обязан, но я так решил, — просто ответил Тармин.

Она посмотрела на него, пытаясь понять, что скрывается за этими словами. Но в них не было скрытого смысла. Он просто сказал то, что думал. И в этот момент между ними что-то изменилось.

Когда они вернулись домой, их встретила Луна, она подбежала к девушке и начала тереться о её ноги мурча.

— Кажется, она тебя одобрила, — с усмешкой заметил Тармин.

Лариэль нежно провела рукой по мягкой шерсти, и впервые за долгое время на её губах появилась искренняя улыбка.

Затем её взгляд зацепился на неизвестных символы на крыльце, вырезанных в древесине.

— Это что? — спросила она, указывая на странные символы.

Тармин взглянул на них и пожал плечами:

— Однажды мне попался проезжий торговец. Он продавал старые книги и уверял, что одна из них — наследие древних друидов. Скорее всего, он просто хотел больше денег, но книга действительно была интересной. Она написана на старогринтарском языке, и я разобрал лишь

часть. Этот знак... он напоминает что-то вроде оберега. Мне понравился узор, и я вырезал его здесь. Никогда не знаешь, что может сработать.

Ларизель провела пальцами по резьбе. Работа была выполнена искусно, с вниманием к деталям. Она посмотрела на Тармина с новым интересом, но ничего не сказала. В этом человеке было больше, чем казалось на первый взгляд.

Глава 5

Новое утро встретило их хмурым небом и тяжёлым воздухом, словно природа сама предупреждала о грядущих переменах. Лариэль стояла у окна, наблюдая, как густой туман стелился над землёй, цепляясь за деревья, словно пытался удержать их в своих призрачных объятиях. Она не любила туман. Он всегда казался ей чем-то зловещим, скрывающим тайны, которые лучше бы оставались неразгаданными. Туман напоминал ей прошлое, такое же вязкое, затягивающее, из которого невозможно вырваться без боя.

За её спиной раздалися шаги.

— Тебе не спится? — голос Тармина был ещё хриловатым после сна.

Лариэль вздрогнула, но не обернулась.

— Не привыкла к такой тишине, — призналась она. — Она... давит.

Тишина здесь была слишком правильной, слишком живой. Она не несла боли, как прежде, но от этого казалась ещё тревожнее.

Тармин накинул ей на плечи тёплое вязаное одеяло и подошёл ближе, глядя в окно.

— Сегодня будет трудный день. Нам нужно приготовить лекарства.

Она повернула голову, вскинув бровь.

— Ты же сам всё готовишь, разве нет?

— Да, но некоторые травы лучше собирать днём, когда они наиболее насыщены силой. А кое-что можно найти только в определённых местах. — Он помолчал. — Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Лариэль поджала губы. Мысль о том, что она останется одна в этом доме, пока Тармин будет занят, ей не нравилась. Да и знание трав и настоек могло ей пригодиться.

— Хорошо, я пойду.

Тармин кивнул, будто ожидал такого ответа.

— Тогда поешь. Нам нужно выходить с первыми лучами солнца.

Дорога через лес была спокойной, но воздух был наполнен сыростью, и Лариэль зябко поёжилась. Они шли вдоль старой тропы, пока не вышли к небольшой рощице, где росли нужные Тармину травы. Лес казался настороженным, будто наблюдал за ними, скрывая дыхание в тумане.

— Вот, смотри, — он присел и показал ей растение с мелкими голубыми цветками. — Это лунная трава. Она помогает при лихорадке.

Лариэль присела рядом, внимательно рассматривая растение.

— А если использовать неправильно?

— В малых дозах она целебна, в больших — вызывает сон, а если переборщить... — он многозначительно замолчал.

Молчание прозвучало громче слов.

Она поняла. Всё в этом мире было балансом.

Они продолжили собирать травы, и Лариэль начала понимать, что Тармин не просто знахарь. Он знал природу, умел слышать её. Он не просто рвал растения, он осторожно выбирал только те, которые можно было взять, оставляя другие, чтобы лес мог восстановиться.

— Ты всегда этим занимался? — спросила она спустя время.

— Почти всегда, — уклончиво ответил он. — С детства знал, что хочу лечить людей.

— Даже тех, кто тебя боится? — в её голосе прозвучала горечь.

Тармин взглянул на неё, и в его глазах сверкнуло что-то тёплое.

— Особенно их.

Ответ был простым. Но в нём чувствовалась тяжесть прожитых лет и разочарований, которые он давно научился не показывать.

Лариэль задумалась. Ей казалось, что она начинает понимать его лучше.

Когда солнце начало клониться к западу, они уже собрали всё необходимое и отправились обратно.

— Думаю, Луна уже заждалась нас, — усмехнулся Тармин, имея в виду свою верную спутницу — кошку.

Лариэль впервые за день улыбнулась.

Улыбка была едва заметной, но в ней было больше жизни, чем за многие недели.

Лариэль постепенно приходила в себя, но воспоминания о пережитых испытаниях не спешили отпускать её. Ночами ей снились кошмары, но Луна каждую ночь бежала к ней, чтобы прогнать их. Кошка свертывалась калачиком у неё в ногах или устраивалась прямо на груди, согревая своим мягким тёплым телом. Благодаря этому Лариэль больше не просыпалась в холодном поту, а её сон становился спокойнее. Тармин не говорил об этом вслух, но видел, как тяжело ей даётся даже обычный отдых.

Днём она старалась быть полезной, чтобы хоть как-то отблагодарить его за заботу. Лариэль пыталась помочь по дому: подметать, готовить еду, даже носить воду из колодца. Она чувствовала себя обузой и не могла просто бездействовать. Но Тармин не позволял ей перенапрягаться. Он говорил, что её главная задача сейчас — восстановиться.

— Ты и так сделала больше, чем достаточно, — мягко сказал он однажды, когда застал её за стиркой своей рубашки. Он стоял в дверном проёме, скрестив руки на груди, наблюдая за её движениями. — Отдыхай.

— Но я не могу просто сидеть без дела, — возразила Лариэль, сжимая мокрую ткань в руках. — Я хочу быть полезной.

— Ты уже полезна, — с лёгкой улыбкой ответил он. — Просто тем, что ты есть.

Лариэль смутилась, отвела взгляд.

Внутри неё поднималось странное тёплое чувство, которого она раньше не испытывала. Оно было осторожное, хрупкое, будто боялось сломаться от резкого движения.

Однажды утром, когда солнце только поднималось над кронами деревьев, Тармин решил проверить силки, которые он расставил в лесу. Он взял с собой нож, мешочек для добычи и, предупредив Лариэль, ушёл в прохладную лесную тень. Воздух был свежим, напоённым ароматами влажной земли и хвои. Лес встречал его привычными звуками: пение птиц, шёпот листвы, редкое потрескивание веток под лапами зверей. Где-то вдалеке ухнул филин, а в густой чаще мелькнула тень — возможно, оленёнок или лисица.

По дороге он внимательно вглядывался в чащу. Ему показалось, что за ним кто-то наблюдает. В какой-то момент он даже замер, прислушиваясь, но кроме лёгкого дуновения ветра и шелеста травы ничего не услышал. Всё же чувство тревоги не оставляло его.

Когда он остановился у ручья, чтобы напиться, его взгляд зацепился за странный камень, лежащий прямо на краю воды. Он выделялся среди других своим насыщенным зелёным цветом, будто вбирая в себя свет леса. Он поднял его, и хотел разглядеть находку и камень будто слегка дрогнул в его руке — или это только показалось? Камень был гладким, приятно тяжёлым, и в его глубине мерцали тонкие золотистые прожилки. Он вспомнил, что в старых книгах друидов упоминались такие камни — зумеральды. Им приписывали защитные свойства, а носители таких камней якобы обретали душевное равновесие.

Тармин медленно сжал находку в ладони. Он знал, что подобные камни встречаются редко. Такие камни появляются в местах, где лес особенно древний и силён. Он осмотрелся, но не заметил ничего необычного. Однако чувство, будто его кто-то видит, не исчезло.

Вернувшись домой, он решил сделать браслет для Лариэль. Ему хотелось, чтобы она чувствовала себя защищённой. Он работал тайно, дождавшись, пока она уснёт. Каждый завиток узора вырезался с особой осторожностью. Закончив, он подержал браслет в ладонях и улыбнулся. Он надеялся, что этот маленький жест принесёт ей спокойствие, пусть он и не понимал, от какой боли именно она бежит.

На следующее утро, за завтраком, Лариэль заметила, что Тармин выглядел задумчивым.

— О чём думаешь? — спросила она, отставляя кружку с тёплым чаем.

Он задумчиво посмотрел на неё, но затем усмехнулся:

— О древних преданиях. Когда-то я читал о зумеральдах. Они редкие, и в книгах пишут, что способны приносить покой тем, кто страдает.

Лариэль удивлённо подняла брови.

— Протяни пожалуйста руку вперед, - попросил Тармин, но Лариэль вначале не поняла, зачем ему её рука, и очень недоверчиво протянула её. Он осторожно надел браслет на её запястье. Камень в центре сверкнул мягким светом.

— Это... для меня? — тихо спросила она, проводя пальцами по гладкой поверхности украшения.

— Да! Он защитит тебя, — сказал Тармин. — Я нашёл его у ручья и решил, что он должен принадлежать тебе.

Лариэль долго смотрела на него, а затем, неожиданно для самой себя, улыбнулась. В её взгляде мелькнула тёплая благодарность, и, она почувствовала, как страх по-настоящему отступил, почему-то рядом с ним, она чувствовала уже давно себя в безопасности.

Лес, в который Седрик углубился, был тёмным и зловещим, наполненным влажным запахом мха и гниющих листьев. Туман, стелящийся между деревьями, делал каждый шаг тяжёлым, создавая ощущение, будто само пространство сжимается вокруг него. Туман заползал в каждую трещину, и даже свет звёзд казался чужим. Седрик скитался по этим тропам уже которую ночь, и каждую из них чувство тревоги преследовало его неотступно.

В эту ночь туман был особенно густым, словно тьма сама по себе ожила. Из глубины леса показалась тёмная фигура. Седрик окаменел от страха. Он не мог пошевелиться, не мог даже закричать. Надеялся, что, если останется неподвижным, существо уйдёт. Но оно его заметило. Густая тень двинулась к нему, и сквозь тьму блеснули два зловещих синих глаза.

Тенебрис... Эти существа, что некогда сеяли страх во время Великой войны были уничтожены, а сам Сердик о них слышал только в байках, которыми их пугали в детстве. Эти тени могли сливаться с мраком, питаться страхом и отслеживать жертву, даже если она не издавала ни звука. Высокий, сотканный из тьмы, с глазами, сияющими мертвенным синим светом. Его длинные когтистые руки тянулись вперёд, а дыхание пахло смертью и сыростью могил.

— Где девчонка? — прошипел ледяной голос.

Седрик скованный леденящим страхом даже не мог задрожать, горло сжалось от ужаса. Его сердце гулко билось в груди, а ноги отказывались двигаться.

— Я... я не знаю! — выдавил он, голос срывался.

Тенебрис шагнул ближе, но что-то невидимое удержало его. Дом Тармина был окружён невидимой защитной стеной, преграждая путь существу. Глаза существа вспыхнули яростью, и он издал вой, от которого деревья задрожали. Затем он исчез, растворившись в тумане.

Седрик бросился бежать. Ветки хлестали его по лицу, оставляя кровавые царапины. Он едва видел путь сквозь слёзы страха. Дыхание сбивалось, ноги заплетались, но он не смел останавливаться. В ушах звучал собственный бешеный пульс, сердце готово было выскочить

из груди. Он спотыкался, падал, но снова поднимался, ведомый единственным желанием — выбраться из проклятого леса.

Добежав до деревни, он ввалился на площадь, задыхаясь. Несколько прохожих отшатнулись, глядя на него с ужасом — бледное, перекошенное лицо, глаза, полные паники.

Он влетел в дом Маришки, тяжело дыша.

— Он... он пришёл за ней! — выкрикнул он. — Тьма пришла за девчонкой!

Маришка слушала его рассказ, сдерживая ликование. Это было даже лучше, чем она могла надеяться. Теперь у неё были доказательства для обвинения.

Она подошла к Седрику, ласково проведя пальцем по его исцарапанной щеке.

— Ты сделал всё правильно, — прошептала она, и в её глазах вспыхнуло торжество.

Теперь девчонка была обречена.

Глава 6

Она снова видела один из своих кошмаров, она бежала по густому лесу. Лес во сне был не просто лесом, он был памятью, ожившей под кожей: сырой, цепкой, липнущей к дыханию. Туман стелился у её ног, скрывая путь, путая, заставляя сомневаться в каждом шаге, будто сама земля менялась местами. Впереди появилась Луна и молча пошла вперёд. Лариэль последовала за ней. Вдалеке замерцал свет. Она сделала шаг в его сторону, но туман начал сгущаться, а вдалеке послышались шаги. Шаги становились всё отчётливее, ровные и чужие, будто кто-то огромный и тихий ступал сразу за её спиной. Лес стучался в тень, жадно тянувшуюся к её пяткам.

Она проснулась, задыхаясь. Луна была рядом, снова прижалась к её ногам.

— Ты необычная кошка, — прошептала Лариэль и погладила её.

Ночь окутала дом Тармина мягкой темнотой, размывая границы между явью и сном. В комнате было тепло — огонь в очаге медленно тлел, отбрасывая на стены неровные тени. Лариэль села у окна, вглядываясь в густую темноту леса. Она не могла спать. В голове проносились воспоминания, а сердце тревожно сжималось от неизвестности, что-то не так.

Тармин подошёл к ней, неслышно ступая босыми ногами по деревянному полу. В руках он держал чашку с чем-то горячим, и аромат трав тут же наполнил воздух.

— Ты снова не спишь, — заметил он.

— Ты, кстати, сегодня тоже, — подметила она в ответ.

— Сегодня ночью мне как-то беспокойно, — ответил Тармин, подавая ей свою чашку. — Это поможет.

Лариэль молча приняла напиток, осторожно вдохнула запах. Лёгкая горечь смешивалась с чем-то терпким и мятным.

— Что это?

— Смесь целебных трав. Они успокаивают мысли.

Она сделала маленький глоток, чувствуя, как тепло разливается внутри. Тармин сел напротив, внимательно наблюдая за ней.

— О чём думаешь? — спросил он после долгого молчания.

Лариэль слегка улыбнулась, но улыбка вышла грустной.

— О прошлом. О том, как всё изменилось. Иногда мне кажется, что я потеряла слишком много, чтобы когда-нибудь почувствовать себя целой.

Тармин кивнул, но не стал говорить, что время лечит или что всё будет хорошо. Он знал, что такие слова — пустая утешительная ложь.

— Ты не одна, — сказал он вместо этого.

Лариэль посмотрела на него. В его глазах было спокойствие. Не жалость, не снисходительное сочувствие, а просто понимание. И это почему-то значило больше, чем любые слова.

Внезапно их разговор прервал громкий стук в дверь. Оба настороженно переглянулись.

— Поздновато для гостей, — пробормотал Тармин, поднимаясь.

Лариэль тоже встала, крепче сжимая в пальцах чашку. Она слышала истории о разбойниках, которые бродят по дорогам в поисках добычи. Но когда Тармин открыл дверь, на пороге стоял одинокий путник.

Его плащ был покрыт дорожной пылью, капюшон скрывал лицо, а за спиной висел увесистый мешок. Незнакомец медленно поднял голову, и в свете очага блеснули пронизательные тёмные глаза.

— Я ищу знахаря, — произнёс он низким голосом. — Мне сказали, что здесь можно найти помощь.

Тармин молча изучал его несколько секунд, прежде чем кивнул и отступил в сторону, чтобы пригласить войти.

— Проходи. Что привело тебя сюда?

Путник вошёл, отряхнул плащ, у него были резкие черты лица, запавшие глаза и тёмные волосы, в которых мелькали пряди седины. Он выглядел измученным, но его взгляд был цепким, будто он изучал каждого в комнате, взвешивая и оценивая. Он медленно посмотрел на Лариэль. В его взгляде мелькнуло что-то, от чего у неё по спине пробежал холодок.

Тармин внимательно смотрел на гостя, прислушиваясь к его словам. Незнакомец, представившийся как Гален, явно был не из этих мест. Его одежда, хоть и добротная, несла следы долгого путешествия. Он рассказал, что пришел за помощью, так как его спутник, охотник, угодил в чужой капкан, и рана никак не заживала. Тармин кивнул, уже продумывая, какие травы понадобятся.

Лариэль тем временем наблюдала за мужчиной, пытаясь понять, можно ли ему доверять. В его глазах скользнула тень тревоги, когда он мельком взглянул на окно.

— Ты боишься чего-то? — спросила она, перехватив его взгляд.

Гален медленно кивнул.

— По дороге сюда мне довелось увидеть нечто странное в лесу. В тумане мелькнула огромная тень. Я не смог разглядеть, что это было, но что-то в ней казалось... неправильным. Пугающим.

Тармин сжал челюсти, его пальцы привычно пробежались по краю стола.

— Ты уверен? — его голос был ровным, но в нем проскользнула нотка напряжения.

— Я не знаю, что это было, но мне стало не по себе.

Лариэль вздрогнула, её пальцы сжались на краю стола. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня в очаге. Её собственные сны, будто отозвались эхом в словах путника.

— Это было этой ночью? — спросила она.

Гален медленно кивнул.

— Да. Я как раз проходил недалеко от деревни и решил ускорить шаг. А когда добрался сюда, понял, что рана моего спутнику стала хуже. Местный лекарь мне дверь не открыл, но деревенские сказали, что здесь еще живёт знахарь, вот и пришел за помощью.

Как только он произнес эти слова, воздух снаружи прорезал леденящий душу вой. Он был настолько жутким и протяжным, что даже огонь в очаге словно затрепетал. Все бросили тревожные взгляды в сторону двери.

Лариэль сжала кулаки, пытаясь подавить подступивший страх. Гален побледнел, но старался держать себя в руках.

— Что это? — Тармин стремительно направился к двери, и остальные, поддавшись внезапному порыву тревоги, поспешили за ним.

Они долго стояли на крыльце, вглядываясь в темноту. Лес был неподвижен, словно затаился, прислушиваясь к их дыханию. Ветки деревьев покачивались под легким ночным ветерком, но больше ничего не нарушало тишины. Прошло несколько минут, но странное существо не издавало больше ни звука.

— Похоже, оно ушло... — наконец нарушил молчание Тармин. Его голос звучал задумчиво. — Это очень странно. Здешний лес обычно спокоен.

Лариэль продолжала вглядываться в чёрные силуэты деревьев, надеясь уловить хоть какое-то движение. Но ночной мрак не раскрывал своих тайн.

— Думаешь, оно может вернуться? — тихо спросил Гален.

— Не знаю, — ответил Тармин, глядя в сторону леса. — Но на сегодня нам лучше не искушать судьбу. Заходите в дом. Твоему спутнику придётся подождать до утра.

Он стоял у двери, пропуская гостей. В доме снова стало тепло и уютно, но напряжение не спешило рассеиваться.

— Утром пойдем за твоим другом, — сказал Тармин, усаживаясь обратно к очагу. — Но пока лучше отдохнуть. Я постелю тебе, в соседней комнате.

Гален кивнул, хоть тревога в его взгляде не исчезла. Лариэль же задумчиво смотрела на Тармина, ощущая, что эта ночь оставила в их душе какой-то невидимый след.

На следующее утро Тармин снарядился в путь, намереваясь разыскать охотника, о котором шла речь. Он проверил оружие, набросил плащ и уже собирался уходить, когда Лариэль встала перед ним.

— Я иду с тобой, — твёрдо заявила она.

Тармин нахмурился.

— Айна, ты ещё не до конца восстановилась. Лес стал опасен.

— Я не хочу сидеть и ждать, — ответила она, упрямо скрестив руки. — Я устала быть беспомощной.

Он внимательно посмотрел ей в глаза. В них не было страха, только решимость. В конце концов, он вздохнул и кивнул.

— Хорошо. Но держись рядом и слушай мои указания.

Однако Галена нигде не было. Лишь пустое место в комнате, где постелил Тармин и аккуратно сложенный у порога плащ указывали на то, что он не мог уйти далеко. Когда они вышли из дома, первым делом огляделись в поисках ночного гостя, с которым должны были идти утром за его другом.

— Куда он делся? — нахмурилась Лариэль.

— Возможно, вышел по нужде или решил осмотреться, — предположил Тармин, но в его голосе сквозило напряжение.

Они огляделись вокруг, но следов ухода не было. Это было странно, и лёгкое беспокойство закралось в душу обоих. Однако время не терпело, и, решив вернуться к этому позже, они отправились в путь.

Лес встретил их привычной прохладой, воздух был наполнен свежестью хвои и влажной земли. Однако стоило им углубиться в чащу, как Лариэль ощутила странное беспокойство. Пение птиц стихло, словно сама природа замерла в ожидании чего-то.

— Здесь слишком тихо, — прошептала она.

Тармин кивнул.

— Лес не должен быть таким. Что-то его тревожит.

Через несколько минут они наткнулись на следы. Земля была взрыта, будто кто-то падал или боролся. На ближайшем кустарнике болтался обрывок тёмной ткани.

— Здесь была борьба, — пробормотал Тармин, поднимая клочок ткани и осматривая его. — Это не похоже на случайность.

Лариэль ощупала ближайшую ветку, на которой осталась тёмная капля. Её сердце сжалось.

— Это кровь, — прошептала она.

Тармин сжал челюсти.

— Двигаемся дальше. Будь начеку.

Они продвигались осторожно, высматривая любые зацепки. Вскоре перед ними открылось место привала — потухший костёр, следы обуви в земле, перевёрнутая котомка. Но путника нигде не было.

— Он был здесь недавно, — сказал Тармин, осматривая вещи. — Возможно, его что-то спугнуло.

Лариэль ощутила спазм в груди. Вся эта сцена говорила об одном: человек пропал не по своей воле.

— Мы должны его найти, — сказала она, поднимая с земли деревянный амулет, валявшийся в траве.

Тармин кивнул, его взгляд потемнел.

— Да. И сделать это нужно быстро.

Вдалеке раздался треск веток. Кто-то за ними наблюдал.

Тармин мгновенно положил руку на рукоять оружия, а Лариэль напряглась, сжав найденный амулет. Далеко в кустах мелькнула тень — высокая, сгорбленная фигура проскользнула между деревьями, но рассмотреть её не удалось.

— Кто здесь? — громко спросил Тармин, делая шаг вперёд.

Ответом была тишина. Затем снова раздался хруст веток, на этот раз ближе.

— Айна, назад, — тихо приказал он.

Но, прежде чем они успели что-либо предпринять, из-за деревьев выбежала хромающая фигура. Это был их гость — лицо его было бледным, а одежда порвана. Он упал на колени, тяжело дыша.

— Они... они всё ещё там, — выдохнул он, с ужасом глядя в глубь леса.

— Кто? — спросила Лариэль, но незнакомец лишь покачал головой, словно боялся произнести ответ вслух.

Тармин и Лариэль переглянулись. Лес снова затих, но теперь это молчание казалось злобным.

— Нам нужно уходить, — резко сказал Тармин. — Сейчас же. Где твой спутник?

Гален лишь посмотрел на Тармина, его пальцы сжались в кулак, а губы дрожали и срывалось лишь что-то невнятное. Он попытался встать, но ноги его не держали.

— Давай, я помогу, — Лариэль поддержала его под руку.

Они поспешили обратно, ощущая, как тени леса словно сжимались вокруг них. Где-то вдали снова раздался треск, но никто не решился оглянуться.

Лариэль чувствовала, как её сердце колотится в груди. Их гость был напуган до глубины души, его руки дрожали, а глаза метались, будто он всё ещё видел нечто жуткое.

— Ты ранен? — спросила она, когда они немного замедлили шаг.

Он кивнул, и она заметила разорванный рукав и кровавое пятно на его боку.

— Нужно остановить кровь, — твёрдо сказала она. — Тармин, нам нужна повязка.

Тармин быстро взял полоску ткани из сумки, а Лариэль аккуратно прижала её к ране путника.

— Что случилось? — спросил Тармин, пока Лариэль обрабатывала рану.

— Они шли за мной... Их глаза... — он сглотнул, затем прошептал: — Синие. Они не были людьми.

Тармин напрягся.

— Демоны?

Путник лишь закрыл глаза, словно не желая вспоминать.

— Нам нужно быстрее уходить, — прошептала Лариэль.

Тармин кивнул. Впереди путь становился уже, деревья словно смыкались над ними. Позади раздался очередной хруст.

Лариэль взяла путника за руку, и они ускорили шаг, не оглядываясь. Лес больше не был просто лесом. Он стал ловушкой.

Перед самым выходом на небольшую опушку Тармин резко остановился. На одном из деревьев были глубокие царапины, словно оставленные когтями. Под деревом валялся нож — его лезвие было в крови. Гален узнал его — он принадлежал его спутнику.

Гость судорожно втянул воздух, с ужасом глядя на находку.

— Он... он не мог... — прошептал он, но договорить не смог.

Тени вокруг словно сгустились, а тишина стала почти осязаемой. Затем, откуда-то из глубины леса, донёлся протяжный, нечеловеческий шёпот. Он будто прополз вдоль кожи, царапая её ледяными когтями.

Ларизель почувствовала, как её затопил холодный страх.

— Бежим! — выдохнул Тармин.

И они бросились прочь, прочь из мёртвого леса, где что-то следило за ними из темноты.

Глава 7

Они вышли на опушку к дому на закате, когда последние лучи солнца, окрасили небо медным и глубоким рубиновым цветом. Свет уходил так стремительно, словно день сам пытался укрыться от того, что скрывалось в лесу.

Тармин шагал впереди, его рука крепко сжимала рукоять меча, а взгляд не переставал осматривать окрестности. Лариэль помогала путнику, который всё ещё тяжело дышал, но его взгляд больше не метался в панике, лишь глубокая усталость и боль отражались в его глазах.

Путник осел на ступеньку крыльца, тяжело дыша и держась за бок.

— Нам нужно знать, что произошло, — тихо, но твёрдо сказал Тармин, садясь на корточки напротив путника. — Ты сказал, что они шли за тобой. Кто они?

Гален сглотнул, его пальцы сжались в кулак. На висках выступил холодный пот, будто воспоминание снова ударило по нему физически.

— Я не знаю. Я и мой друг... — он запнулся, избегая взгляда Лариэль, — я не смог уснуть ночью после того крика, мой друг там был один, я боялся, что, то существо, что кричало ночью навредит ему и ушел раньше вас. Когда я его нашел рана сильно воспалилась, он не мог идти, и я потащил его на себе, но мы услышали, как кто-то нас преследует. Сначала думали, зверьё... Но потом они заговорили.

Лариэль нахмурилась.

— Заговорили?

Путник кивнул, его руки дрожали.

— Не как люди. Голоса шли отовсюду, слова были... неправильные, искажённые. Я пытался бежать. Мой друг... было так тяжело... — он резко замолчал, а затем прошептал: — Они схватили его.

Наступила тишина.

— Что это были за существа? — спросил Тармин.

— Я... я не видел. Только глаза. Синие, жадные... Они выныривали из темноты, двигались быстрее, чем человек мог бы... — его голос сорвался, и он закрыл лицо руками.

Лариэль почувствовала, как её затопил холод. Ей вспомнились звуки в лесу, чувство, будто кто-то наблюдает. Она взглянула на Тармина, но его лицо было непроницаемым.

— Твой друг... ты уверен, что его больше нет? — осторожно спросил он.

— Он кричал... а потом... потом звук, будто рвали ткань. Только это была не ткань...

Тармин медленно выдохнул.

— Иди в дом, отдыхай. Позже мы поговорим.

Они вышли во двор. Лариэль поёжилась от свежего утреннего воздуха, но знала, что причина её дрожи была иной.

— Мы должны найти его друга, — сказала она.

— Если от него что-то осталось, — мрачно ответил Тармин. — Давай сначала подумаем, дай мне время.

Лариэль пошла внутрь заниматься ранами путника, но Тармин задержался у двери, оглядываясь. Он не знал, что именно искал — следы, тревожные знаки, но всё выглядело так же, как и раньше.

Тармин уже собирался войти в дом, когда вдали послышался топот копыт. Он резко развернулся, его рука автоматически легла на рукоятку меча.

Во двор въехали трое. Впереди, уверенно держа поводья, сидел староста. За ним двое мужчин, плечистых и хмурых. Они смотрели на Тармина без вражды, но с ожиданием, будто уже знали, каким будет их следующий шаг.

Он посмотрел на Лариэль:

— Оставайся здесь.

— Я...

— Оставайся в доме, — повторил он, и в его голосе не было места для спора.

— Нам нужно поговорить, — сухо сказал староста, когда спешился.

Тармин не двинулся.

— О чём?

Староста подошёл ближе, его взгляд скользнул по Тармину, затем покосился в сторону дома и вдруг нахмурился, увидев в окне окровавленного путника рядом с девушкой. Он сплюнул под ноги и наконец заговорил:

— Кто это у тебя? — резко спросил он.

— Бедолага, которого мы нашли в лесу, — спокойно ответил он.

Староста сжал губы.

— В деревне беспокойно, Тармин. Люди говорят, что на деревню пало проклятие, и все беды начались с тех пор, как появилась та девушка. Тёмные твари бродят в лесу. Вчера ночью Седрик столкнулся с тенебрисом.

Тармин нахмурился.

— Сказки? Ты пришёл ко мне со страшилками?

— Это не сказка, — мрачно сказал один из мужчин позади старосты. — Мы все видели, что стало с бедным парнем.

Староста покачал голову:

— Он жив, но весь поседел от увиденного. Он сказал, что тенебрис искал девчонку.

Тармин молчал. ... Тенебрис... Эту легенду рассказывали детям, чтобы они не уходили далеко от деревни. Говорили, что тьма может напиться крови света, отбирая саму душу, оставляя от человека пустую оболочку.

— Причём тут я? — медленно спросил он.

Староста развёл руки.

— Да при чём ты тут, Тармин? Я ведь не обвиняю тебя. Но люди боятся. Говорят, что тьму привела ведьма.

Тармин напрягся.

— Айна не ведьма.

— Конечно, — поспешно объяснил староста, даже слишком поспешно. — Но это не я решаю. Ты же знаешь, народ не остановишь, если он чего-то боится. Ветер подул, крыша рухнула — виновата ведьма. Ребёнок заболел — ведьма. Теперь ещё и этот... — он кивнул на путника. — Кто знает, что она с ним сделала?

Тармин ему смотрел прямо в глаза, а староста отвёл взгляд.

— Её сожгут, — сказал он негромко, будто ему было жаль. — Сегодня вечером.

— Ты этого добиваешься?

Староста сделал вид, что ему было тяжело вести этот разговор.

— Нет, Тармин. Я не хочу вражды между тобой и деревней. Мы знаем, кто ты. Уважали тебя. Но если люди решили, что ведьма угрожает их детям... ты их не остановишь. Поверь, мне жаль девчонку. Но... у меня тоже семья.

Тармин скрестил руки на груди.

— Да уж, особенно дочь.

Губы старосты дрогнули, но он быстро взял себя в руки.

— Маришка тут ни при чём, — мягко сказал он.

Но Тармин увидел ложь в его глазах. Конечно же, причём. Маришка всегда навязывалась, всегда ревновала его к любой женщине, которая оказывалась рядом. А теперь деревня внезапно взбесилась, требуя крови? Уж не её ли рук это дело?

— Если ты уйдёшь сейчас, тебя не тронут, — продолжил староста. — Я говорил с людьми. Они не хотят тебе зла.

— А Айна?

Староста покачал голову.

— Её уже осудили.

Тишина, возникшая между ними, была тяжелее горного камня.

— Ты можешь уйти. Или... — он сделал паузу. — Ты можешь сгинуть вместе с ней.

Тармин чувствовал, как в нём закипает ярость.

— Ты знаешь, что я этого не позволю.

— Тогда поторопись, — негромко сказал староста, вскакивая в седло. — Вечером будет поздно.

Тармин смотрел, как они уезжают, пока их силуэты не растворились в темноте.

Затем он развернулся и вошёл в дом, захлопнув за собой дверь.

— Айна, собирайся.

Она подняла на него встревоженный взгляд.

— Мы уходим. Сейчас же.

Лариэль вздрогнула, перестав разбирать мешочек с травами, а Гален медленно повернул голову, всё ещё слабый после ранения.

— Что? — Лариэль нахмурилась.

— Староста приходил, — его голос был напряжённым, сдержанным, но в нём сквозила злость. — Они устроили суд.

Лариэль сжала кулаки.

— Суд? Над кем?

Тармин посмотрел на неё, и этого было достаточно.

— Они думают, что ты привела в эти земли зло, — продолжил он. — Вчера ночью Седрик столкнулся с теневрисом. Староста говорит, что это ты их привела.

— Это нелепо, — Гален попытался приподняться.

— Они не ищут правду, — коротко ответил Тармин, перебирая припасы. — Им нужна жертва.

Лариэль замерла. Она ожидала чего-то подобного, но не думала, что всё произойдёт так быстро.

— Ты не должен уходить из-за меня. Я и так перед тобой в неоплатном долгу. — прошептала она.

— Поздно, — его взгляд был непреклонным.

— Ты жил здесь столько лет... Ты построил этот дом своими руками. Я не могу... — в её голосе зазвучала боль.

Тармин обвел взглядом стены, которые столько лет были его убежищем.

— Дом — это не стены, — ответил он наконец, бросая в сумку последние припасы. — Это небо над головой и те, кого ты защищаешь.

— Ты не обязан...

Он резко поднял на неё взгляд.

— Здесь оставаться нельзя. Мы уедем подальше от этой проклятой деревни. — твёрдо сказал Тармин, снимая плащ и быстро проверяя оружие. — Ты не сгоришь на их костре. Я всё уже решил.

Лариэль прикусила губу, отвернувшись.

Путник слабо поднял голову.

— Я пойду с вами... Я могу... — выдавил Гален.

— Нет, ты остаёшься здесь, — обратился Тармин к раненому путнику. — Ты ещё слишком слаб для такого путешествия.

— Но... — начал было Гален.

— Нет, — Тармин был непреклонен. — В доме безопасно. Здесь тебя не тронут.

Он подошёл к полке, быстро собрал несколько мешочков с сушёными травами и поставил перед Галеном.

— Запоминай. Это — зверобой, поможет от жара. Это — корень живокоста, Он поможет с заживлением, уменьшит воспаление. А это — настойка...

Гален не спорил. Он видел, что времени нет.

Они быстро собрали всё необходимое. Тармин накинул на плечи дорожный плащ, проверяя, всё ли взял. Лариэль достала тёплые накидки, необходимые травы и немного еды.

Лариэль задержалась на мгновение у двери, оглядывая дом. Каждый уголок, каждую деталь. Вспоминая тепло очага, книги на полке, деревянные стены, которые стали для неё настоящим убежищем. Что-то подсказывало ей, что они сюда больше не вернуться.

И, взяв себя в руки, вышла.

Тармин вывел свою лошадь — статного игреневого жеребца по имени Шторм. Его шерсть поблёскивала в лунном свете, а внимательные глаза следили за хозяином. Шторм был верен Тармину с тех времён, когда тот ещё служил в армии. Крепкий, быстрый, он никогда не подводил своего всадника. Лариэль вывела своего чёрного коня — мощного, но стремительного жеребца по имени Кром. Его гладкая чёрная шерсть напоминала закалённое железо, а янтарные глаза светились умом и дикой свободой. Кром был её единственным спутником в трудные времена, и сейчас он словно чувствовал её тревогу.

Луна зашипела, её уши прижались к голове, а шерсть встала дыбом. Кошка смотрела в темноту, словно видела там что-то, недоступное их глазам.

— Она чует беду, — пробормотала Лариэль, сажая её в сумку.

Время поджимало.

Но прежде, чем они успели выехать, ночную тишину разорвали крики.

— Они бегут! Ведьма сбегает! — чей-то голос эхом прокатился по лесу.

В ту же секунду вдалеке вспыхнул первый факел.

— Едем! — приказал Тармин.

Они понеслись в ночь. Холодный воздух хлестал по лицу, а копыта лошадей разрывали землю. За спиной слышались крики, гулкие шаги и звук натягиваемых луков. Одна стрела пролетела мимо, вонзившись в землю рядом с Кромом.

— В лес! — выкрикнул Тармин, направляя Шторма в сторону густых деревьев.

Погоня началась, жители деревни мчались за ними на лошадях, кто-то бежал с факелами, люди были ослеплены своей ненавистью, которую умело разожгла Маришка.

Лес становился гуще и в нём стало жутко. Тенебрисы... Они вышли из мглы и тумана, словно сама ночь ожила, и теперь тьма скользила следом за Лариэль. Они нашли её. Оберег дома, скрывавший Лариэль, больше не действовал, и теперь они нашли её. Люди испугались тенебрисов, когда те, ослеплённые жадой погони, начали нападать на деревенских. Им было всё равно, кто окажется у них на пути — их целью была девчонка.

Лес становился всё мрачнее.

— Не останавливайся! Сюда! — крикнул Тармин, резко свернул в сторону, заметив усыпанную камнями тропу, ведущую вниз.

Но в какой-то момент земля ушла из-под их ног, Тармин и Лариэль вместе с лошадьми рухнули вниз по сыпучему склону. Тармин и Лариэль тяжело дышали, пытаясь собраться с мыслями. Но тут раздался жуткий шёпот. На них надвигалось нечто огромное. Тьма сгустилась, и из неё выплыли фигуры тенебрисов. Их тела колыхались, словно сотканые из дыма, а глаза мерцали зловещим синим светом, один из тенебрисов навис над конём Лариэль и замахнулся когтистой лапой. В этот миг Лариэль закричала, инстинктивно откинув руку к Крому, словно пытаясь его защитить.

Внезапно из неё вырвался ослепительный шар света, разрастаясь в разные стороны и сметая тьму на своём пути. Вспышка ударила с такой силой, что деревья зашатались, а воздух наполнился треском, будто сам лес содрогнулся от мощи магии. Тенебрисы завyli, испаряясь в свете, их тела превращались в пепел, рассеиваясь, как утренний туман.

А затем наступила тишина.

Ларизель рухнула без сознания.

Тармин потрясённо смотрел на неё.

Лес снова был тёмным, но теперь в нём не было чудовищ. Только мужчина, два коня, кошка и бесчувственная девушка.

Он осторожно поднял её, проверил пульс. Дыхание было слабым, но она была жива.

Аккуратно усадив её на Шторма, Тармин сел рядом и взял под уздцы Крома. Медленно они двинулись вглубь леса. Беда миновала, но в душе Тармина поселилось новое чувство, осознание, что теперь их судьбы связаны не только обещанием, но и тайной, которую он ещё не мог понять.

Глава 8

— Что значит — она сбежала?!

Голос короля сотряс стены тронного зала, и каждое слово отозвалось эхом в холодных каменных коридорах. Факелы дрожали, отбрасывая зловещие, мерцающие тени, словно сама тьма хотела поглотить его. Кубок с вином, который он держал в руке, полетел и разбился о мраморный пол, разливаясь багряной жидкостью, как если бы кровь, стекающая по его венам, отразилась на холодном камне. Тишина, наступившая после удара, будто сомкнулась вокруг него стальными кольцами, подчёркивая, насколько невыносима для него мысль о том, что кто-то осмелился выскользнуть из-под его власти.

Король сидел на массивном троне, его лицо оставалось невыразительным, но внутри бушевал шторм. Он не только ожидал подчинения, но и мечтал заполучить ту самую силу, о которой гласили древние пророчества. Эта девушка должна была стать его орудием в предстоящей войне – ключом, способным перевесить чашу весов в его пользу. Но она сбежала, и теперь он чувствовал себя преданным собственным предназначением. Предательство, даже если оно исходило от той, кто ещё не понимала собственной ценности, обжигало его внутренности так, будто пламя коснулось самого сердца.

— Как это возможно? — его голос был подобен грому, прокатившемуся по залу. — Я приказывал держать её под охраной! Я почти сломил её! А вы...

Слуги, стражники, даже советники стояли, опустив головы, боясь даже взглянуть в лицо короля. Гнев его был страшен, и те, кто осмеливался перечить ему, редко доживали до следующего заката. Больше всего он ненавидел слабость. И сейчас слабость стояла перед ним в лицах молчащих стражников. Страх стал почти осязаемым, будто плотная вязкая тень, струящаяся от его трона, обволакивала всех присутствующих, лишая их воли и слов.

Он вспомнил, как ещё недавно, в детстве, его учили, что сила должна принадлежать тем, кто умеет её использовать. Каждое его движение, каждый жест были отточены годами военной службы и дворцовых интриг. И вот, когда он ожидал увидеть свою будущую победу, он остался с пустыми руками. Его глаза вспыхнули ледяным огнём, и внутри него зазвучал холодный, презрительный голос:

— Ты позволил украсть у меня мою победу! — прошипел он, и слова эти прозвучали как приговор для тех, кто осмеливался ему противостоять.

Его рука, словно сама воля крови, схватила кинжал, слишком быстро, чтобы это был осознанный жест, и он сделал быстрый, резкий выпад. В тот момент, когда лезвие коснулось шеи одного из стражников, он на миг увидел в его глазах не только страх, но и безысходность. Кровь, брызнувшая на белоснежный мрамор, казалась символом его разрушенного плана и предательства судьбы. На мгновение зал стал похож на алтарь, где он приносил жертву своей ненасытной ярости.

Внутренний голос короля, скрытый за ледяной маской, взывал к нему: «Ты должен вернуть ту силу, ты должен её сломить и подчинить!» Эти слова звучали как эхо прошлого, когда каждое поражение оборачивалось новой возможностью для мести. Он помнил, как мечтал обладать ею, как чувствовал, что именно она способна подарить ему вечную власть. Но теперь его ярость смешивалась с горечью разочарования, и каждая клеточка его существа жаждала мести.

— Позовите магов, — повторил он, голосом, полным безжалостной решимости, и тьма его ярости пульсировала в каждой капле крови, стекавшей по его сжимающейся руке.

Вскоре в тронный зал, словно призраки древних проклятий, вошли трое магов, закутанных в мантии цвета смолы. Их движения были плавными, почти бесшумными, а лица, скрытые

теньями капюшонов, отражали знания, недоступные простым смертным. В их глазах мерцал лихорадочный блеск древней силы, и казалось, что из каждой складки их одежды просачивается магия забвения. Тишина вокруг них будто плотнее становилась, уплотняя воздух в зале так, что даже догорающий факел потрескивал едва слышно.

— Вы обещали мне власть, — голос его стал низким, угрожающим. — Вы обещали мне армию, перед которой склонятся эльфы и их союзники. Вы клялись, что древняя тьма встанет под моё знамя. Где же она? Почему я вижу лишь пепел вашей бесполезности?

Один из магов, высокий и худой, с глазами, напоминающими остывший янтарь, шагнул вперёд и опустился на колено перед троном. Его голос, тихий и проникновенный, разнесся эхом по залу, словно заклинание, вытканное из древних свитков.

— Ваше Величество, — произнёс он, слегка склонив голову, — мы обратились к запретным томам, хранящимся в забытых склепах, и нашли в них тайные знания. Мы знаем, как вызвать тенебрисов, существ, уничтоженных во времена Великой войны, когда магия текла рекой, а тьма была непобедима.

Его слова проникали в самую суть зала, и казалось, что воздух вокруг них становится гуще, насыщаясь запахом горелого ладана и сырой земли.

— Мы сумели воссоздать этих теневых воинов, — продолжил он, взгляд его ожесточился. — Теперь, благодаря древним ритуалам, мы можем не только вернуть их в этот мир, но и подчинить их Вашей воле, чтобы они служили Вам как неоспоримое оружие.

Король, сжимая кулаки, усмехнулся, и в его глазах зажегся тёмный огонь:

— Воскрешайте пятерых. И отправьте их за ней.

Маги развернулись в едином порыве. Голоса их слились в зловещий напев, подобный древнему гимну мертвых, и воздух задрожал от потока энергии. Из трещин в каменном полу, где когда-то царила холодная безжизненность, потихоньку начала просачиваться тьма. Она собиралась, как дым над погребальным костром, обретая форму. Сначала появились лишь неясные силуэты, затем контуры извращённых фигур, словно тень, сливающаяся с ночной мглой. Их тела казались сотканными из чистой темноты, а глаза, горевшие зловещим синим светом, искрились в полумраке. Их присутствие вызвало дрожь даже у закалённых воинов, стоявших в зале. Это были древние убийцы, проклятые существа, которых некогда боялись даже эльфы.

Один из тенебрисов, более массивный и зловещий, медленно вышел вперед, и его присутствие наполнило зал нечеловеческим холодом. Колдуны наблюдали за этим с тонкой гордостью, как за результатом многолетних тайн и исследований. Один из них, шёпотом, почти неразборчиво произнёс:

— Тьма слушает лишь тех, кто знает её язык. Мы овладели этим знанием.

Светящиеся глаза тенебрисов мерцали, когти скользнули по камню, оставляя едва заметные царапины. Их движения были неестественно плавными, будто они не знали усталости.

Король сделал шаг вперёд, его голос стал ещё холоднее:

— Найдите её. Приведите живой. Девчонка со знаком — ключ к победе. Её сила даст мне перевес. Она будет моей.

В тот же миг тенебрисы взвыли, их звуки наполнили зал, а затем, словно растворившись в собственной тьме, они исчезли, оставив после себя лишь шёпот и тень. Запах озона и сырой земли повис в воздухе, след запретной магии, столь древней, что стены зала словно вздохнули от облегчения, когда тени исчезли.

Время шло и терпение короля было на исходе... каждая минута тянулась в его сознании, будто пронзаемая холодным железом, а тишина во дворце становилась для него каменной клеткой, из которой не было спасения. До сих пор не было никаких известий о девчонке, и это безгласное отсутствие, подобно глубокому разлому, разъедало его изнутри. Гул раздражения,

копившийся в нём все эти дни, уже дрожал под кожей, как наэлектризованный воздух перед бурей. Прежде чем король успел отдать дальнейший приказ, в тронный зал ворвался один из магов. Его лицо было мертвенно-бледным, а глаза, обычно полные уверенности, теперь блестя ужасом, словно он стал свидетелем чего-то непостижимого. Следом быстро шли остальные маги, тихо перешёптываясь между собой.

— Ваше Величество... Тенебрисы исчезли, — прошептал он, голос его дрожал, как будто каждое слово отрывалось от него с трудом.

Король медленно повернулся к нему, и даже это движение обладало странной, зловещей грацией, оно было слишком размеренным, словно каждым градусом поворота он врезал себя в собственное отчаяние. В его глазах вспыхнул не просто холод, там жил древний лёд, неизвестный смертным, лёд, что родился в бездне забытой тьмы.

— Что? — голос его был тих, но в тишине зала прозвучал, полным отвращения и гнева. Словно это был подтекст власти, от которого дрожали стены.

Маг, дрожа, продолжил:

— Мы чувствовали их присутствие, их связь... но внезапно всё оборвалось. Будто невидимая сила, могущественнее любой магии, сжала их в кулак и растерзала. Воздух задрожал... а затем они... исчезли, словно растворились в самой тьме.

Лёгкое дрожание прошло по каменным стенам, будто сам тронный зал ощутил сказанное. В этот момент зал погрузился в зловещую тишину. Остальные маги обменялись взглядами, полными страха и недоумения, как будто они только что столкнулись с чем-то, что превосходило все их представления о тьме.

Король медленно приблизился, его лицо сжималось от ярости, а мысли крутились в голове: «Если тенебрисы исчезли, то какая сила способна их погубить? Что за тайна сокрыта в этих исчезновениях?» Он чувствовал, что эта сила может быть столь же могущественна, как и его собственная темная магия, и что она может изменить правила игры.

— Ты уверен? — спросил король, его голос становился всё более ледяным и угрожающим.

— Да, Ваше Величество... — голос мага был едва слышен. — Это было не простое исчезновение. Казалось, что сама природа, или что-то за её пределами, вмешалось, чтобы остановить их. Мы...

Король сделал шаг вперёд, его рука сжалась так крепко, что казалось, она могла раздавить камень. В одно мгновение его решимость сменилась яростью. Блеск в глазах стал нечеловеческим. Он резким движением выхватил кинжал и, не дав магу закончить свою фразу, прошипел:

— Ты мне больше не нужен.

Клинок вспыхнул, и голос мага оборвался, а его тело рухнуло на пол, оставляя после себя темное пятно. Остальные маги застыли, не осмеливаясь ни шевельнуть и проронить ни слова, и в зале воцарилась страшная тишина, наполненная страхом перед неизвестной силой.

Король, вытерев клинок о свой плащ, холодно произнёс:

— Узнайте, где они были в последний момент. Прочь с глаз.

В этот момент его мысли крутились в буре: исчезновение тенебрисов не могло быть случайностью, это могла быть Ларизель. Если какая-то сила способна их погубить, значит, она может и противостоять моим магам. И тогда, возможно, Ларизель — эта девчонка с рыжими волосами и отметиной на руке — станет ещё более могущественным оружием, если её сломить и подчинить моей воле. Мысль эта вгрызалась в сознание, как заноза, от которой невозможно избавиться. Желание обладания ею стало почти физической болью, такой тупой, жгучей и нестерпимой, словно сама пустота внутри требовала заполнить себя её силой, её страхом, её сломленной волей.

Король повернулся к ближайшему советнику, его голос был холоден и безжалостен, словно лезвие меча:

— Объявите награду. Кто приведёт мне эту беглянку живой, тот получит золото, несравненно большее всяких ожиданий.

Его слова звучали как приговор, и каждое слово проникало в каменные стены зала. Он мечтал обладать этой девушкой, её силой, её душой, чтобы сломить её волю и использовать её как оружие в грядущей войне. Для него она была нужна не просто, как добыча – она должна была служить ему, быть подчинённой его власти.

Вскоре указ разлетелся по всей стране. На городских площадях и в деревнях, в сумраке трактиров и на оживлённых рынках, люди встречали эти листовки. На массивных каменных табличках красовались слова:

«Государственная преступница. Приведёшь её живой – получишь золото и благосклонность короля. Приведёшь мёртвой – твоё имя навеки будет забыто!»

В переулках и на рыночных площадях люди обсуждали этот указ короля. Один старик, держа в руках потрёпанный свиток, шёпотом говорил:

— Видал я её в своих снах... такая, что могла бы пробудить мёртвых, если бы захотела.

Молодые воры, переглядывались с алчным блеском в глазах, мечтая о богатстве.

В то же время, слухи о беглянке, о девушке с рыжими волосами и отметиной на руке, разлетались со скоростью пожара. В каждом уголке страны люди, облачённые как в страхе, так и в жадности, готовились к охоте. Наёмники, даже простые крестьяне с нетерпением ждали возможности получить свою долю королевских сокровищ.

Кто-то закрывал двери, кто-то точил ножи, а те, кому выпадала честь участвовать в охоте, молча собирались в группки, обсуждая, как поймать эту беглянку живой, чтобы затем предъявить королю, а за это получить несметное богатство. Страх и жадность шли рядом, рука об руку, и различить их становилось всё труднее.

Король не находил себе места. Ни вестей, ни следов. Он привык контролировать всё, но теперь кто-то ломал его планы. Это было недопустимо. Мысль о том, что мир способен ускользнуть из-под его пальцев, была для него страшнее любого поражения. Прошло еще несколько дней, прежде чем в тронный зал ворвался гонец. Его лицо было исцарапано и в дорожной пыли, пот тёк рекой, а глаза блестели от страха и решимости. Он едва мог говорить, словно каждый звук отзывался эхом боли, когда, задыхаясь, произнёс:

— Ваше Величество! Весть из деревни Лестор!

В зале воцарилась мрачная тишина. Король, сжимая подлокотники своего трона, пристально смотрел на гонца, требуя правды:

— Говори!

Гонец, дрожащим голосом, начал:

— Девушку с рыжими волосами... видели в Лесторе. Староста деревни, опечаленный и избитый, сообщил, что её обвинили в колдовстве. Её приговорили к смерти как ведьму, но в самый последний миг, когда толпа уже взбесилась, она успела сбежать.

Его слова эхом разносились по залу, пробуждая в каждом присутствующем не только страх, но и жажду мести. Король медленно поднял брови, оценивая каждую морщинку на лице гонца, словно пытаясь уловить правду в его искажённых чертах.

— Значит, она всё ещё жива, — прошептал король, и в его голосе слышалась не только ярость, но и холодное удовлетворение. — Это отправная точка. Теперь у нас есть координаты для охоты на неё. Пусть тот, кто сможет принести её живой, получит несметное богатство.

Гонец, едва сдерживая слёзы, кивнул, его голос едва слышен:

— Да, Ваше Величество...

Король задумчиво произнёс своему советнику, который стоял позади трона:

— Немедленно отправьте тайную стражу в Лестор. Пусть они выяснят, как она смогла уйти, и найдут её живой. Каждый миг нам дорог, и время играет против нас.

Он опустил голову и поспешно покинул зал, его шаги эхом разносились по мраморным коридорам замка.

Королевский советник исчез из зала, оставив после себя лишь эхом отзвуки приказов и зловещие намёки о грядущей охоте. Вскоре таинственная тайная стража, предводитель которой был известен как Серый Ворон, выехала из замка на лихих, быстроконных жеребцах. Их целью была деревня Лестор, где, по донесениям, видели беглянку с рыжими волосами, осужденную как ведьму.

Деревня Лестор встретила стражу с замиранием сердца. Узкие мощёные улицы, за которыми скрывались старые каменные дома, казались окутанными вечной тьмой. Похоже, сама ночь осела на этих улицах, словно тяжёлое одеяло, которое никто не решался откинуть. Люди, узнав о прибытии тайной стражи, суетливо переговаривались и бросали испуганные взгляды в сторону приближающейся группы.

Тёмные фигуры Тайной Стражи ступили на землю деревни, и мороз пробежал по спинам её жителей. Они знали: те, кто приходил по приказу короля, не задавали лишних вопросов и не принимали отговорок. В воздухе пахло гарью, а влажная земля хлюпала под тяжёлыми сапогами стражников.

Серый Ворон, глава Тайной Стражи, осмотрелся. Его холодный взгляд скользил по улицам, по домам, по испуганным лицам крестьян. Всё было тихо, слишком тихо. Он не любил такую тишину — она всегда означала страх.

Староста Мирон вышел вперёд, низко поклонившись, чувствуя, как пот стекает по спине.

— Господа... честь для нашей деревни принять вас, — его голос слегка дрожал, но он пытался говорить уверенно.

— Не трепи языком, — резко перебил его Ворон, скользнув холодным взглядом. — Ты сообщил, что рыжеволосая девчонка была здесь. Рассказывай всё.

Мирон сглотнул, силясь подобрать слова. Его ладони вспотели, но он вытер их о грубую ткань плаща.

— Она появилась в деревне... одна. Грязная, раненая. Люди заподозрили неладное. Говорили, что она ведьма, что привела с собой беду...

— Говорили? Или ты сам это утверждал? — Ворон шагнул ближе, и староста вздрогнул. — Кто отдал приказ казнить её?

— Я... я только хотел защитить деревню! — поспешил оправдаться Мирон. — Вы же знаете, народ легко поддаётся страху...

Стража молчала. Затем Ворон повернулся к своим воинам и кивнул. Один из них шагнул вперёд, выхватил меч и приставил его к горлу старосты.

— Ты чуть не уничтожил то, что принадлежит королю. За это ты умрёшь.

В толпе раздался вскрик. Из-за спин жителей деревни выступила девушка с длинными чёрными волосами и глазами цвета тёмного янтаря. Маришка. Она шагнула ближе, её походка была плавной, почти танцующей, а губы изогнулись в лукавой улыбке.

— Прошу вас, не будьте столь суровы, — её голос был сладок, как мёд. — Отец не виноват. Он, как и любой в этой деревне, боялся неизвестности. Разве это преступление?

Ворон не шелохнулся.

— Ещё слово — и ты пойдёшь вслед за ним, девка.

Но Маришка не отступала. Она подошла ближе, её пальцы легко коснулись брони Ворона, едва заметный жест, но в нём чувствовалась уверенность.

— Мы все преданы королю, — прошептала она. — Если бы мы знали, кто эта девушка, то сразу бы сообщили. Известие о её поиске пришли к нам позже. Отец раскаивается, а деревня всегда готова служить нашему величеству...

Она говорила осторожно, плавно, её глаза не отрывались от лица Ворона. Её красота, её хитрость, её умение подбирать слова сделали своё дело. Ворон медленно убрал руку, а его стражник отвёл меч.

— Довольно. — Он посмотрел на старосту. — Ты жив только благодаря этой девке. Но если ты ещё раз примешь неверное решение, пощады не жди.

Мирон судорожно закивал, чувствуя, как по спине течёт холодный пот.

— Я благодарна Вам за Ваше великодушие, — Маришка одарила стражу благодарной улыбкой. — Мы покажем, где потеряли её след. — и поспешила показать дорогу к дому знахаря, где жила девчонка. Когда они приблизились, её брови удивлённо взлетели вверх. В доме кто-то был.

— Этого не может быть, — пробормотала она. — После того, как ведьма и её спутник сбежали, никто не осмеливался приближаться к этому месту...

Стража ворвалась в дом. Внутри, у печи, сидел человек. Его лицо было бледным, на теле виднелись раны. Гален. Он медленно поднял голову, увидел незваных гостей, но не проявил страха. Он понимал, что его ждёт.

— Где девчонка? — рыкнул Ворон.

— Не знаю, — спокойно ответил Гален.

Ворон жестом приказал, и двое стражников схватив Галена, выволокли его на улицу. Последовали удары. Кулаки, сапоги, холодная земля. Гален сплюнул кровь, но не проронил ни звука.

— Говори. — Ворон опустился на корточки рядом с ним. — Ты ведь жил здесь. Ты знаешь, где они.

Гален с трудом улыбнулся.

— Если бы знал... то, может быть, и сказал, — выдохнул он. — Но увы...

Толпа молчала, только слышалось, как кто-то всхлипывает. Никто не смел вмешаться. Никто не пытался защитить незнакомца.

Ворон махнул рукой, и его отбросили к крыльцу, оставив валяться в грязи. Его можно было добить, но не было смысла тратить время.

Староста, всё ещё дрожащий, указал на тропу.

— Они ушли сюда... Мы преследовали их, но... — он замялся.

— Что? — Ворон впился в него взглядом.

— Там... Они... Тенебрисы... — прошептал Мирон.

На миг даже суровые стражники замерли.

— Вы сражались с ними? — спросил Ворон.

— Нет, — староста судорожно покачал головой. — Мы бежали. Они напали на нас, и... мы видели, как они бросились за беглецами... мы думали они служат девчонке...

Ворон кивнул своим людям, и они двинулись по указанному пути. Они шли быстро, шаги были отточены и бесшумны. Несколько дней они шли по следам и вышли на место привала.

— Они ушли отсюда давно, — пробормотал один из стражников.

— Но куда? — Ворон прищурился, поднимая с земли кусок угля.

Ответа пока не было. Но охота продолжалась.

Глава 9

Ночь опустилась на лес, как густая, бархатная бездна, поглощающая даже слабейшие отблески звёзд. Тьма казалась настолько плотной, что её можно было бы потрогать, холодная и бесформенная, она уползала под ноги Тармина, словно пыталась схватить его за пятки и не отпустить.

Тармин почти не ел, а сна у него не было уже трое суток, его зрение цеплялось за движения, слух раздувал случайные шорохи в угрозы, а тело, лишённое полноценного отдыха, двигалось как чужой механизм. Однако поводья он сжимал судорожно, будто именно этот натянутый ремень удерживал его сознание от распада. Ему не требовалось напоминание о цене остановки, она была известна заранее и выражалась не в абстрактной опасности, а в очень конкретном исходе.

Тропа была узкой и капризной. Слева — лесная масса, из которой выдавливалась тьма; справа — скальные рёбра, холодные и безразличные, словно сама порода отказывалась признавать присутствие живого. Он вёл двух лошадей — Шторма и Крома. Ещё недавно они казались ему воплощением выносливости, но теперь их дыхание стало прерывистым, а шаг — вязким: каждый подъём, каждый поворот вгрызался в мускулы, как зубья тупой пилы. Кром дышал глубже, упрямо, будто не позволял себе слабости; Шторм был практичнее — хрипел и спотыкался, но продолжал идти, сохраняя в глазах то упрямое спокойствие, которое присуще существам, принявшим неизбежность.

Несколько дней они двигались без остановки, лишь короткие привалы, едва достаточные, чтобы Тармину и измученным лошадям не рухнуть от усталости. Он знал, что каждая минута на счету, и что остановка могла стать последней. Ларизель покоилась на спине Шторма, её тело было неподвижно, будто выточено из мрамора. Голова её безвольно покачивалась, рыжие пряди липли к вискам, губы были слишком бледны для живого лица. Он не знал, выживет ли она, но остановиться не мог. Шторм и Кром едва переставляли ноги, их силы были на исходе. Луна, тревожно урчала, устроившись на крупе Шторма рядом с девушкой, прижимаясь к ней тёплым боком, но её дар изгонять кошмары не действовал. Было такое ощущение, что Ларизель даже не видела снов. Это беспокоило больше всего.

Шаг за шагом, с тяжёлым дыханием, он продолжал идти, держась за поводья, пока лошади, словно предчувствуя опасность, ритмично топтали землю. В голове Тармина роились мысли: «Что, если преследование ещё не окончено? Что если они уже близко?» Он вспомнил лица тенебрисов вышедших тогда из леса ... и вдруг ужаснулся: что, если они еще там и кто-то из них смог уцелеть.

В тишине ночного леса каждое шуршание листьев, каждый скрип веток отзывался эхом в его сердце, как предупреждение. Ветер нёс в себе холод и запах сырой земли, заставляя думать о том, что даже природа испытывает страх перед надвигающейся бурей. И этот страх, словно чужеродное существо, жил между деревьями.

Его мысли были прерваны едва различимым звуком — это был не гром, не шорох животных, а как будто тихое дыхание чего-то невидимого, преследующего их.

— Айна, держись, — тихо прошептал Тармин, наклоняясь, чтобы проверить, не пошевелилась ли её рука.

Она оставалась неподвижной, словно застывшая в вечном сне. Он коснулся её руки, но она была такая холодная. Тармин ощутил, как сердце сжимается от тревоги: в её холодном состоянии не было ни малейшей искры жизни.

— Только... не уходи, — выдохнул он и снова повёл лошадей вперёд.

Мрак медленно расступался перед первыми лучами солнца, пробивающимися сквозь вершины гор, но Ларизель не чувствовала ни холода, ни боли, ни времени, ничего. Где-то в глубине её сознания бушевало пламя, но она словно не могла до него дотянуться. Её разум скитался по бесконечному морю огня, не находя выхода.

Мимо них, по узкой тропке, мелькали силуэты – возможно, это были враги или испуганный зверь. Тармин остановился, прислушиваясь. Его глаза, напряжённые от усталости, пытались различить хоть один знакомый знак. Но лес, казалось, замер. Лишь дыхание ветра и мерное топтание копыт становились его спутниками.

— Они могут быть рядом, – произнёс он вслух, скорее себе, чем кому-то, – и я не могу позволить себе даже минуты расслабиться.

Движение вновь началось. Несмотря на усталость, Тармин шагал всё быстрее, инстинктивно ощущая, что враг может настичь их в любой момент. Его руки крепко сжимали поводья, мокрая земля скользила под ногами, листья липли к подошвам, и всё равно он продавливал шаг, словно на каждом шаге держалась жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.